

СЕРГЕЙ

Бог жесток

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ВЛАДИМИРОВ

Сергей Владимирович Владимиров

Бог жесток

Серия «Частный сыщик

Евгений Галкин»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5824103

Бог жесток: Центрполиграф; М.; 2013

ISBN 978-5-227-04235-4

Аннотация

Очередное дело свалилось на Евгения Галкина по чистой случайности: следил за неверным мужем и познакомился с бойким местным дедом, который пожаловался частному сыщику на непутевую внучку. Детектив ввязывается в абсолютно бесперспективное расследование. Убийство старика сторожа, арест юной проститутки, исчезновение ребенка и несчастный случай с его матерью, произошедший двумя месяцами раньше, еще больше запутывают ситуацию. В какой-то момент Галкин понимает: чтобы спасти жизнь мальчика, необходимо проникнуть в тайну его рождения. Времени на это практически не остается...

Содержание

Начало	4
Рассказ Евгения Галкина	14
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	49
Глава 8	58
Часть вторая	68
Глава 1	68
Глава 2	76
Глава 3	80
Глава 4	84
Глава 5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Сергей Владимиров (Белавкин Сергей Владимирович)

Бог жесток

Памяти моего друга Андрея Макарова

*Я стремлюсь к своей цели,
я иду своей дорогой,
через медлительных и нерадивых
перепрыгну я.*

Ф. Ницше.

Так говорил Заратустра

Начало

Каждое дело начинается по-своему. Иногда он принимал клиентов в кабинете и с непроницаемым выражением лица выслушивал их мрачные были, порой получал известие от старых друзей и взваливал на себя их проблемы, а бывало, становился случайным свидетелем злодеяния, и стечение неблагоприятных обстоятельств вынуждало его вспомнить о гражданском долге.

У Евгения Галкина было все, о чем может мечтать част-

ный сыщик: непримечательная внешность, действующая лицензия, клиентка – дамочка отчасти экзальтированная, но готовая заплатить, подопечный – муженек этой особы, скромный и милый бухгалтер, придумавший себе сверхурочную работу и отныне приносящий в дом вместо заработка запах паленого коньяка и дешевых духов. И вот сегодня, влочась за разрабатываемым объектом как хвост, детектив оказался в обычном, классически загаженном подъезде, но именно отсюда и начались все его злоключения. В течение ближайших минут или часов Галкину предстояло маяться от безделья, дымить точно паровоз и гадать, что же происходит за дверью, обитой неброским коричневым дерматином. Но, как оказалось, основные события случились на лестничной клетке, где в ожидании расположился сыщик. Сначала появился неверный муженек, низенький, лысоватый, в заношенном плаще. Этот провинциальный Казанова, воровато озираясь, выскользнул из квартиры, прижимаясь к стеночке, засеменял вниз короткими пухлыми ножками. Поравнявшись с Галкиным, глупо поздоровался и хихикнул. Евгению следовало продолжать слежку за ним, но он понял, что теперь это бессмысленно, что он окончательно засветился. Единственное, что оставалось, – выяснить, к кому наведывался супружник через весь город. В следующую секунду это перестало быть секретом. Ненакрашенная рыжеватая девица, как пробка из-под шампанского вылетевшая из той самой квартиры, припечатала Галкина к перилам и растянулась у

его ног. Лицо незнакомки было искажено болью, отчаянием и злобой, из ноздри по подбородку стекала тонкая струйка крови, на левой щеке багровело пятно от удара.

– Привет, – дыхнул на девицу Евгений, уже позже вспомнив, что забыл с утра пораньше набить рот мятной жевательной резинкой.

– Ненавижу! Убью! Убью в натуре! – завизжала незнакомка.

Не успев уяснить до конца, в чей конкретно адрес отпущены угрозы, сыщик машинально стал помогать девице подняться на ноги. И вдруг без долгих прелюдий повалился на нее.

Это не оказалось преддверием случайной бурной любви. Галкина ударили скалкой по затылку, обидчиком выступал тщедушный старикашка с венчиком редких седых волосков и конопатой лысиной. Лицо его было бледно и морщинисто, как сушеный гриб, выцветшие глазки слезились. Теперь он возвышался над Евгением, который лежал в жалкой позе на полу, морщась от боли. Девушка проворной ящерицей вывернулась из-под поверженного и в мгновение ока исчезла.

– А ну, подымайся, кобель поганый! – сипло разорвался боевой дедок. – И чтоб духу твоего здесь не было! Устроили бордель, мать вашу!

– Совесть хоть поимей, старый, – отозвался Галкин. – Тебе в гроб пора ложиться, а ты все дерешься!

Щеки старикашки отчаянно затряслись, в пляс пустилась

вставная челюсть.

– Ах, сговор?! Я давно подозревал, эта сучка от меня отделиться хочет! И подельника уж нашла! Развратничать я ей, дескать, мешаю, мужиков водить да водку лопать! А вот мы еще посмотрим, кто кого переживет, кто из нас двоих вперед загнется!

Очередной взмах скалки, но на этот раз реакция не подвела сыщика, он перехватил запястье старикашки, и орудие покушения упало на бетонный пол.

– Ошибся адресом, дед, – произнес Евгений, поднявшись. – Тот, кому следовало пройти по хребтине, уже унес ноги. А я тут случайно.

– Тогда какого беса Вальку, внучку мою, лапал?

– Помогал обрести равновесие. Ты ведь тоже к ней изрядно приложился.

– Наука впредь будет, – ответил дед. – Но и тебе ни грамма не верю. Что значит, ты здесь случайно? По какому делу? Я тута всех знаю, а тебя ни разу не видел. Может, грабитель или насильник какой? Вот вызову милицию, документики чтоб проверили. Наверняка не в порядке.

Дед был отважный, и, не звучи в его речах излишней патетики, а в принимаемых позах фиглярства, это прибавило бы ему уважения. Галкин простил старику его рукоприкладство, но дожидаться приезда стражей порядка было не в планах Евгения. Он попытался уйти, но оказалось, сделать это не так-то просто. Дед начал действовать, вцепившись в курт-

ку сыщика. Несколько шагов вниз по лестнице Галкин проволочил за собой борца за нравственность, но не смог переступить через себя и применить к старику силу.

– Хорош, – сдался Евгений и протянул свою лицензию.

Дед тщательно рассмотрел ее, запоминая все, что в ней написано.

– А меня Николаем Ивановичем зовут, по фамилии Мишуковым, – представился он. – Неужто ты меня охранять вздумал? Только денег у меня нема. Даже на опохмелку.

Евгений поскучнел. Старикашка мог как угодно очернять свою внучку, лишь бы вызвать жалость собеседника и выпить за его счет. У Галкина не было ни времени, ни желания. Да и стычка, произошедшая на его глазах, не казалась сыщику какой-то из ряда вон выходящей. Они могли так грызться каждый день и не воспринимать выдвинутые друг против друга угрозы всерьез. Так жили многие, и почему эта парочка вдруг станет исключением? На всякий случай Евгений вручил Николаю Ивановичу свою визитную карточку и был отпущен с миром.

Вечером того же дня Галкину позвонила его клиентка и распорядилась прекратить слежку за ее суженым, который осознал свою вину и благополучно вернулся в лоно семьи. Муж сам рассказал о порочащих его связях, и так как сыщик о них ничего не узнал, то практически ничего и не заработал.

На следующий день Евгений лишь изредка возвращался в мыслях к вчерашнему происшествию и забыл бы его

окончательно, если бы не телефонный звонок, раздавшийся в десятом часу вечера. Беспокоил старик Мишуков, говорил невнятно, торопливо и испуганно:

– Она всю ночь дома не ночевала, явилась под утро, слова не выжмешь, подавленная какая-то, пялится тупо исподлобья. Дикарка чертова, не иначе что-то задумала. А как на работу в ночную пошел, слежку заметил. Прямо до детдома детина какой-то по пятам тащился. Я в детдоме сторожем работаю ночь через две. Ты бы подъехал, товарищ сыщик, кабы чего дурного тут не вышло. Постучишь с черного хода условно, раз, два, три, я и открою. Адресок запиши только, найти не сложно.

Николай Иванович дал отбой, а Евгений сидел, глупо смотря на трубку в своей руке. Старикашка распорядился сыщиком как своей собственностью, хотя Галкин ничем ему обязан не был. Или то, что Евгений накануне положил руки на талию Вальке, Мишуков уже считал некоторым задатком для работы на него? Евгений смачно выругался, растянулся на диване и уткнулся в мерцающий экран телевизора, решительно сказав себе, что с места не сдвинется.

И все же он поднялся, так и не обрета былого спокойствия. Подошел к окну. Густая влажная темень затопила двор. По закону жанра должны были постанывать деревья да, чуя покойника, завывать собака. Ничего похожего, однако дышать становилось все труднее. Галкин набросил кожаную куртку и вышел из дому. До места он добрался на так-

си, но попросил водителя остановиться в двух кварталах от детского дома. Почему-то сыщику не хотелось, чтобы кто-то знал, куда он направляется. Черные мертвые окна здания отражали рассеянный лунный свет, лишь в одном, крайнем на втором этаже, тускло горела настольная лампа. Неплохо бы для начала заглянуть туда, но стена была отвесная и напротив не росло деревьев. Двери центрального входа оказались надежно закрыты: Евгений убедился в этом, подергав массивные железные скобы. В какой-то момент возникло ощущение, что кто-то украдкой наблюдает за его действиями. Обернулся, вздрогнул – в темноте светились два зеленых кошачьих глаза. Галкин вновь скользнул взглядом по неприступной громаде здания и направился к черному ходу, слыша лишь чавканье раскисшей травы под ногами. Споткнулся обо что-то, ударился коленом и боком. Перехватило дыхание, перемещался на ощупь, выставив вперед руки. Над прилепившимся к каменной стене деревянным крыльцом раскачивалась голая, замызганная побелкой лампочка. Стучать не потребовалось – дверь была приоткрыта, из темных сеней тянуло духотой, смешанным запахом кухни и туалета.

Галкин, подсвечивая себе зажигалкой, просочился в корпус. Покрутился в тамбуре, торкнулся еще в одну дверь, переступил порожек. Тянущийся вдаль коридор был залит мутным, каким-то больничным светом, на бледно-голубых стенах – рисунки воспитанников. Невинная детская мазня, но с преобладанием ярких, агрессивных тонов. Евгений продол-

жал двигаться вперед по направлению к бесформенному кулю, брошенному поперек коридора. Свежая кровь была размазана по линолеуму, бледное, смотрящее в потолок морщинистое лицо разгладилось, уже примерив маску смерти. В глубоких колотых ранах на животе и шее загустевала кровь. Отвращение боролось в сыщике с профессиональным любопытством. Галкин обыскал покойника. И сделал это не зря. В боковом кармане старенького пиджака обнаружил свою визитку и пропитавшийся кровью вчетверо сложенный тетрадный листок предсмертной записки: «Если со мной что-то случится обвинять мою внучку Валентину Гуляеву неаднакратно угрожавшую мне по поводу наследства и квартиры».

Далее следовали сегодняшнее число и подпись. Евгений забрал улики и покинул здание. Оказавшись на улице, обернулся назад. Окно на втором этаже вдруг потухло. Сыщик чувствовал, что его рассматривают, хотя сам находился в темноте. Он понимал, что теперь именно его будут разыскивать как убийцу.

Второй час ночи, но Галкину не до сна. Он добрался до дома Вальки Гуляевой. То ли желая убедиться в ее невиновности, то ли наоборот, сыщик позвонил в дверь. Ему не открывали, а настойчивый дребезг звонка грозил разбудить соседей. Евгений сел на ступеньках, закурил и не заметил, как забылся коротким тревожным сном. Очнулся от постукивания каблучков. На светящемся циферблате часов – без пятнадцати три. Чтобы не напугать Вальку, сыщик произнес преду-

предительно из темноты:

– Не бойся, мы виделись вчера. Я здесь был и немного повздорил с твоим дедом.

Девушка оказалась изрядно пьяна и совсем не испугалась. Она стояла пролетом ниже в белой короткой куртке и мини-юбке, держась за стену как привидение. Или как ночная бабочка, вернувшаяся с удачной охоты. Свет уличного фонаря проникал в окно и освещал ее хрупкую фигурку. У нее было юное сосредоточенное личико, маленький смешливый носик с разбрызганными по нему веснушками и размытые синей тушью глаза. Жидковатые волосы с мелированными прядками она содержала в нарочитом беспорядке. Она не выглядела ни убийцей, ни заказчицей, она вдруг напомнила Евгению девушку, к которой когда-то давно он был неравнодушен.

– Ты следишь за мной? – насмешливо спросила она. – Тебя нанял дед?

– Никто меня не нанимал, – огрызнулся Галкин. – Но считаю, что очень скоро я тебе понадоблюсь.

– Что ты частная ищейка, он сказал мне. Но платить тебе деньги, даже попав в беду, я не намерена.

Из-за случайно пришедшего на ум сравнения, глупых сентиментальных воспоминаний Валька стала Евгению симпатична. И тут он совершил непростительную глупость.

– Прочитай, что написал твой дед, – сказал он, протягивая девушке предсмертную записку Мишукова. – Прочитай,

разорви на мелкие кусочки и спусти в унитаз. Ты ничего не знаешь, меня сегодня не видела. Если сильно припечет, позвони, постараюсь тебя вытянуть. Запомни мой телефон. Если спросишь, зачем мне это надо, я не знаю сам. Об оплате договоримся. Глупо, но ты мне понравилась. Пока.

Евгений прошел в метре от Вальки. Непослушными пальцами она рвала тетрадный листок. Смотрела слепо прямо перед собой.

– Значит, его убили. Значит, меня посадят. Значит, так и надо, – разобрал сыщик.

А потом девица опустилась на холодный бетон и заскулила тонко, жалобно, по-щенячьи.

Вела она себя очень подозрительно, и если Евгений ошибался и Валька имела какое-то отношение к убийству, сыщику было ее по-настоящему жаль.

Рассказ Евгения Галкина

Часть первая СЕМЕЙНЫЕ ОСКОЛКИ

Глава 1 ЧАСТНАЯ ЛАВОЧКА

Минуло несколько дней. Меня не трогали, и чужая беда так и осталась чужой. Я почти успокоился, жизнь вошла в привычное русло. Я сидел в своем кабинете и со стороны напоминал осеннюю сонную муху. Агентство расследований, в котором я подвизался некоторое время, полгода назад приказало долго жить, сотрудники, среди которых были настоящие профессионалы, асы слежки и мордобоя, нашли хорошо оплачиваемую работу в солидных сыскных конторах, я же, не пожелавший стать винтиком в большой машине и привыкший работать по старинке, собственноручно доводя расследования до конца, на какой-то момент оказался не у дел.

Но это вовсе не означало, что я ничего не предпринимал. Имея лицензию на частную сыскную деятельность, я очень скоро за небольшую плату арендовал угол в двухэтаж-

ном, готовившемся на слом доме, наряду с адвокатскими и нотариальными конторами, фирмами сомнительного толка и подобными лицами – гадалками, экстрасенсами и хиромантами. Далее обзавелся соответствующей рекламой на своей двери и фасаде дома, прибегнув к помощи знакомого спившегося художника, дал короткое объявление в несколько местных газет и стал терпеливо ждать клиентов. Потенциальные же клиенты настойчиво обходили мой офис стороной, едва уяснив, в каком месте он находится, да и офис, откровенно говоря, – было сказано слишком громко. В комнатушку, которую я сам именовал «а ля домик Тыквы», были втиснуты письменный стол, пара стульев и приобретенный почти задаром гигантских размеров сейф, используемый более не по своему прямому назначению, а как вполне удобная кладовка для хранения пустых бутылок.

В какой-то момент из осенней сонной мухи я превратился в зимнюю спящую и невольно вздрогнул, когда зазвонил телефон. Снимал трубку я без особого воодушевления, уже привыкший, что беспокоят меня лишь в тех случаях, когда ошибаются номером.

– Это ты? – Голос принадлежал молодой девушке.

– Если я ничего не путаю, то я – это действительно я.

– Ты смеешься, а мне на самом деле не к кому обратиться.

Ты дал мне этот номер и сказал, если сильно припечет...

– Значит, припекло.

– Да. Они утверждают, что я убила деда. И увозят меня

в тюрьму.

– А ты его и впрямь убила?

В трубке молчали.

– Это хорошо, что ты позвонила именно мне, – бодро сказал я, хотя совершенно не обрадовался. Я понимал, что мой ночной визит домой к Вальке сразу после убийства, отданная ей предсмертная записка, короткий инструктаж на лестничной клетке в случае виновности девушки делали меня ее сообщником. Она просила приехать немедленно. Это был единственный звонок, который ей разрешили сделать. Выбора у меня не оставалось.

Глава 2 ДЕДОУБИЙЦА

Я находился здесь уже третий раз и вновь не желание отве-
дать продажный запретный плод, а интерес сугубо профес-
сиональный двигал мною. Трагедия, случившаяся с тщедуш-
ным старикашкой, и арест его внучки стали темой самого
бурного обсуждения соседок, вездесущих старух, оккупиро-
вавших лавочку возле подъезда, в который я направлялся.
У входа я притормозил и, сделав вид, будто завязываю шну-
рок, убедился, что общественное мнение сложилось никак
не в пользу моей будущей клиентки. Еловые лапки и чахлые
гвоздички, разбросанные на тротуаре, окончательно заста-
вили меня поверить в реальность смерти.

Дверь в квартиру была не заперта, и там, в тесной прихожей, толпилось несколько человек, как в форме, так и в штатском. Самой девушки видно не было. Все присутствующие обернулись ко мне и смотрели, ожидая объяснений. Потом в лице одного из них что-то изменилось, и он даже выдал некое подобие улыбки, протягивая руку. Я пожал ее и вспомнил, что познакомился с этим неприметным человеком еще в то далекое время, когда сам был следователем.

– Неужто ты адвокатом заделался? – скептически спросил мой приятель из прокуратуры. – Девка недавно кому-то звонила.

Я взял его под локоток и, выведя из затхлой прихожей на отравленную кошачьим духом лестничную клетку, показал свою лицензию. Следователь поморщился.

– Будешь путаться под ногами? Сам же знаешь, нам такое не нравится.

– Я всего лишь задам несколько вопросов. Разрешешь?

– Валяй, пока я курю, – снисходительно отмахнулся мой собеседник, имя которого я безнадежно забыл. – Вот только не думал я, что у тебя клиентура среди шалав.

Отнекиваться я не стал и в сопровождении одного из оперативников прошел на кухню.

Сначала я подумал, что попал в хлев. Навесные полки валяются на полу с распахнутыми створками, а все их нехитрое содержимое: миски, кружки, вилки, ложки – звякает под ногами в черепках битой посуды. Кто-то умудрился раско-

лоть склянку с аммиаком, и его удушливые пары разъедают носоглотку, застилают ядерной пеленой глаза. Раковина засорена и полна грязных тарелок, в застоявшейся серой воде набухают остатки пищи, плавают красно-коричневые трупки тараканов и муравьев. Плита залита убежавшим молоком, стены забрызганы маслом и жиром.

Девушка сидела за столом, зарывшись тонкими ломкими пальцами с облезлым лаком в жидкие крашенные волосы.

– Гуляева, к вам, – с брезгливой официальнойностью сказал оперативник.

Валька подняла отекавшее лицо и уставилась на меня бессмысленным взглядом.

– А, это ты... Страшно я выгляжу, ни один мужик не клюнет. Вчера были похороны, и я перебрала...

– Догадаться несложно, – произнес я, выдвигая для себя табурет. – Но у нас мало времени, рассказывай самое главное.

– Я его ненавидела, – просто ответила девица. – Как и всех стариков. Неужели он не понимал, что на его нищую пенсию и зарплату путем прожить-то нельзя? Хлеб и вода. Колбаса из картона, да и та раз в месяц. И ходи в шобанах. Это в их время насрать на прикид было, а теперь с говном смешают...

Дед всех клиентов выгонял, хотя у меня своя комната была, – в отчаянии продолжала Валька. – Дрых бы у себя, мой диван не скрипучий, специально купила. Забыл, видать, как с инфарктом свалился, а я его с того света вытащила. И вра-

чей подмазывала, и сестер, и лекарства самые лучшие доставала, и в холодильнике у нас всегда есть что пожевать. А ему, видите ли, стыдно, каким местом я благополучие добываю! Грозился, если еще на этом деле поймают, из квартиры выпишет. И наследства лишит, домик в деревне, провалился бы он пропадом!

– И что он предпринял? – спросил я.

– Ничего, – безразлично отвечала девушка. – Только с нотариусом успел посоветоваться, ушел в ночную на работу, а утром мне сообщили.

Мысленно я похвалил Вальку. Она выгородила меня, действуя согласно нашей договоренности. В остальном же...

– Но это точно сделала не ты? – спросил всего лишь потому, что нужно было что-то спросить.

Даже за ядовитой аммиачной завесой ощущался исходящий от нее кисловатый запах пота и перегара. В камере вообще завшивеет. А при такой вызывающей позиции надеяться ей вовсе не на что. Отправится по «мокрой» статье с отягчающими обстоятельствами.

– А тебе тоже хочется думать, что это я постаралась? – спросила она с издевкой, отчаянием и обидой. – Пускай я шлюха, но не убийца.

– Может, это сделал кто-то из твоих дружков?

Как оказалось, девушка уже рассматривала такой вариант.

– Вот и докажи, что я этого не хотела и ничего об этом не знала, – резко сказала она. И в тот же момент, ничуть не стес-

няясь ни меня, ни скучающе привалившегося к стене оперативника, распахнула халат и извлекла из бюстгальтера перетянутую резинкой пачку долларов. – Здесь полторы тысячи, – говорила она. – Все, что я накопила. Возьми себе на сохранение, а сколько нужно – будешь брать за работу. Только вытащи меня из этой клоаки!

И совершенно неожиданно она разрыдалась, горько и безутешно, а я принялся составлять расписку.

Девушку никто не успокаивал. Довольно грубо приказали встать, захватить вещи и следовать к выходу. Соседи столпились на лестничной площадке и осуждающе шушукались.

– Заткнитесь вы все! – исступленно закричала Валька.

У нее начался нервный припадок, и она не смогла идти самостоятельно. Оперативники на руках вынесли ее к машине.

На улице меня поджидал знакомый следователь. Он как-то недобро усмехался.

– Спешу тебя поздравить. – Именно в этой фразе он реализовывал свое небогатое чувство юмора.

– С чем?

– А не догадываешься? Вляпался в большое дерьмо. Девка не сказала тебе самого главного.

– Чего же? – Я был предельно краток, понимая, что мое новое дело воняет с самого начала.

– Во-первых, соседи слышали, как эта Гуляева в открытую угрожала деду, а один мужик, ее знакомый, недавно намял старику бока в подъезде. Сознательные граждане, сами нам

стуканули. А во-вторых... – Безгубый рот следователя расползся в кислой усмешке. – Нож, которым зарезали старика, мы обнаружили в квартире твоей шлюхи. Прямо в кухонном столе. Она даже кровь с него не удосужилась вытереть. Какое, а?

Глава 3

ДИСГАРМОНИЯ

Вальку Гуляеву увезли. Вернется ли она сюда вскоре, зависело во многом от меня. В остальном же ничего не изменилось. Из распахнутого окна дома напротив однообразно ботало какое-то «техно», мужики под детским грибком мешали водку с пивом и резались в карты, старухи по-прежнему перемывали косточки своим ближним. Судьба несчастной Вальки и ее деда больше не занимала их столь остро, все наперебой трещали о «ненавистных» автовладельцах, которые сигнализацией «будят весь дом по ночам».

– Вы вот из милиции и разберитесь, – обратилась ко мне самая сухонькая и бойкая старушонка. – Никакой управы на этих шоферюг нет!

При обыске у Вальки она добровольно вызвалась быть понятой и теперь принимала меня за сотрудника. Я с готовностью пообещал, что все проблемы жильцов будут решены в рекордно короткие сроки, однако слушали меня с недоверием. А возвращаться вновь к разговору о недавней трагедии

им не хотелось, в ней и так все было ясно.

Покойный, Николай Иванович Мишуков, прожил в этом доме всю жизнь и не заслужил ни одного дурного слова в свой адрес. Ну, выпивал бывало, в милицию за дебоши попадал, по женской части был слаб, и то, когда в один год жене с дочерью схоронил и этим горем был надломлен. Простительно, все как у людей. Зато работающий мужик был, пока здоровье не надорвал, вкалывая как вол на вредном производстве, да и после выхода на пенсию хиреть в четырех стенах не собирался, устроился сторожем в детский дом. Во всех этих жизненных хлопотах внучкой заниматься ему было некогда, и никто бы не осудил его, отдай он ее после трагической гибели родителей в детский дом, а не взваливай на себя такую обузу. Валька росла дикаркой, чумазой, полуголодной, с ранних лет дерзила взрослым и водилась в дурных компаниях. Но то ли школа и вышестоящие организации на это посмотрели сквозь пальцы, то ли вовсе не заметили, то ли процесс лишения опекунаства был настолько трудоемким и хлопотным, но девчонка благополучно дожила до своего совершеннолетия. Тут на нее совершенно рукой махнули, дескать, делай что хошь, только чти УК. Библейские заповеди для Вальки Гуляевой оказались слишком сложны. Когда наиболее остро встал вопрос о средствах на косметику, шмотки и украшения, когда пресловутое следование моде (иначе говоря, «быть как все») стало первостепенным в ее скучной, серой, лишенной прочих интересов жизни, девица,

по совету мудрых старших подружек, немного поломавшись для вида и набивания цены, начала отдаваться мужчинам за деньги. А как же без компенсации, ведь каждая такая связь – лишь мерзость, боль и унижение?! Это Валька уяснила прекрасно с тринадцати лет, когда старшие приятели пользовались ее задаром, между двумя стаканами портвейна.

Занятно, но вовсе не моральный облик девушки, а зависть к ее «легким» деньгам стала основной причиной негодования старух. Они дружно возмутились, узнав, что Валька может быть признана невиновной и отпущена на все четыре стороны. С этой минуты они узрели во мне ее сообщника и своего личного врага. Доказывать свою невиновность я не считал нужным и спешно ретировался.

Грязно-желтый корпус детдома виднелся сквозь переплетение оголившихся ветвей, как через прутья тюремной решетки. А я ощущал себя в шкуре убийцы, возвращающегося на место преступления.

Мне понравилась эта массивная, обитая мягкой красной кожей дверь. Не могла не понравиться и табличка на ней.

Заведующая по воспитательной работе
ГРИНЕВСКАЯ ЖАННА ОЛЕГОВНА

Звучало солидно. Внушало определенное уважение. «Если кто-то и обладает здесь информацией в полном объеме, то только она», – подумалось мне. Оповестив о своем появлении стуком, я приоткрыл дверь. Высокая стройная женщина поднялась из-за стола и вышла мне навстречу.

– Вы из милиции? – осведомилась она холодно.

– А вы ее не жалуете? – сорвалось у меня с языка.

– Извините, но ваш юмор здесь неуместен. Если вы пришли в связи... – Я уловил, как стиснулись ее кулачки и открытые красным лаком ногти вонзились в ладони. – Проходите, присаживайтесь, и сразу перейдем к делу.

Не подчиниться ей было сложно. Я пересек кабинет, занял строгое офисное кресло, но с делом медлил, ведь мне предстояло войти в контакт не с бездушным манекеном, а с женщиной. И здесь было на что посмотреть.

Густые каштановые волосы, точно конская грива, тяжело падали ей на плечи, на ухоженных руках поблескивали браслеты и кольца. Чертам ее лица не хватало мягкости, но ее полные губы и фиалковые глаза в другой ситуации могли выглядеть откровенно зазывающими. Даже в деловом темно-синем костюме фигура Жанны Гриневской оставалась по-женски волнующей; но что-то искусственное, ненатуральное почудилось мне во всем ее облике.

– Я представляю интересы человека, которого обвиняют в убийстве вашего сторожа, – напрямик сказал я.

На женщину мое сообщение почти не подействовало.

– Вы адвокат?

– Частный детектив. – Я поспешил протянуть свою лицензию.

Она не торопилась брать ее и тем самым поставила меня в глупое положение: я застыл перед женщиной с протянутой

рукой.

– Вы действуете через агентство? – со знанием дела спросила она.

– Сам по себе. Хотя есть люди, к которым можно обратиться за рекомендациями.

– Будьте добры их контактные телефоны, – отстегнула Жанна Гриневская.

И пока она созванивалась с моими бывшими коллегами, начальниками и наиболее солидными клиентами, я обзрел кабинет. Претерпевший евроремонт, напичканный дорогой офисной мебелью и оргтехникой, он казался нереальным, как и сама Жанна Гриневская. В какой-то момент у меня мелькнула шальная мысль, что, будь в моем распоряжении такая же приемная, я бы вряд ли имел в клиентках уличную проститутку Вальку Гуляеву, носил джинсы и кожаные куртки вместо цивильных костюмов и расслаблялся при помощи бутылки водки.

Наконец женщина закончила разговаривать по телефону, но бесстрастное выражение ее лица не давало мне понять, устраивает ли ее моя компетентность.

– Кого обвиняют в убийстве Мишукова? – спросила она.

– Его внучку, – коротко ответил я.

Следующая фраза Жанны Гриневской была столь неожиданной, что мне показалось, я ослышался.

– Какая мерзость, – произнесла она. Маска безучастности улетучилась, и лицо женщины стало почти некрасивым,

словно слова мои обожгли ее, доставив физическую и душевную боль. – Как дико, когда такие вещи происходят в семье, среди самых близких родственников. Я совсем не знала внучку Мишукова, но слышала, что у них были какие-то конфликты.

– Отцов и детей, точнее, дедов и внуков, – довольно мягко пояснил я. – В последнем случае найти общий язык еще труднее.

Не спеша она достала сигареты и закурила.

– Насколько я поняла, – говорила женщина задумчиво, – у вашей клиентки был мотив для совершения убийства, была возможность, а потом обнаружился и улики против нее. Тем не менее она нанимает частного детектива, чтобы доказать свою невиновность. Но неужели вы, взявшись за дело, были не в курсе, что в нем не все так гладко?

Я пожал плечами.

– С клиенткой я общался крайне мало, – ответил я. – А прочими сведениями милиция со мной не делилась.

О найденном в кухонном столе окровавленном ноже я предпочитал не думать. Слишком прямой, серьезной, убийственной была эта улика. Подбросили? Но с какой целью? Кому была выгодна смерть тщедушного старикашки, кроме как родной внучке?

– Все дело в том, что в ту самую ночь из детдома исчез ребенок, – сказала Жанна Гриневская. – Мальчик восьми лет.

– В криминальных новостях об этом не упоминалось, –

припомнил я.

– Ничего удивительного, – отозвалась заведующая по воспитательной работе. – Проще думать, что он просто сбежал, воспользовавшись ситуацией. А раз так, никакого криминала нет.

– И много воспитанников бегут?

– Не скрою, такое случается, – произнесла женщина. – У нас много проблемных детей. Проблемных и очень несчастных, – добавила она уже не так ровно.

– Но вы не считаете, что это просто совпадение, – понял я.

– Я сомневаюсь, – сказала Жанна Гриневская. – Мальчик мог видеть убийцу сторожа. И его похитили.

– Почему же не убрали сразу, как свидетеля?

Женщина напряглась и взглянула на меня уже не холодно-отстраненно, а, как мне показалось, с неприязнью.

– Не у каждого поднимется рука на ребенка, – процедила она.

– Особенно если убийца девушка, – сказал я.

– Я не имела в виду вашу клиентку, – ответила заведующая по воспитательной работе. – И мне не нравится ваш цинизм.

– Мне он тоже не нравится, – согласился я. – Но если я становлюсь излишне впечатлительным и сентиментальным, я прекращаю нормально соображать.

Я вспомнил, как глупо ввязался в это дело, и разозлился еще сильнее. Думай же, Галкин. Догадка бултыхалась и

вновь захлебывалась в вязком сером веществе.

– На сколько тянет начинка вашего кабинета? – спросил я. – Если допустить, что здесь намечалось банальное ограбление? Если сторож стал жертвой грабителя, а откуда ни возьмись появившийся мальчик окончательно спутал его планы?

Жанна Гринеvская опять закурила. Она предпочитала крепкие французские сигареты и пользовалась качественной помадой, не оставляющей следов на фильтре. Красивая женщина с мужским складом ума. И чувствовал я себя в ее обществе неуютно.

– Милиция рассматривала такую версию, – сказала она, и взгляд фиалковых глаз стал каким-то отчужденным, что от меня не скрылось. – Действительно, это первое, что может прийти в голову, если отбросить вину вашей клиентки. А еще я случайно слышала разговор оперативников и кое-что разглядела. В палате, которую вместе с другими детьми занимал Саша Стрелков, так зовут пропавшего мальчика, обнаружили следы грязной мужской обуви. А мой кабинет находится совсем в другом крыле, в эту часть здания преступник даже не заходил.

И я все понял.

– Мишуков просто появился, как это говорят, в ненужное время в ненужном месте. Попытался воспрепятствовать похищению. А преступника изначально интересовал именно мальчик, – озвучил я свою догадку. Конечно же не свою. В

милиции работают далеко не болваны. И эта женщина тоже очень умна.

– О вас отзывались как о человеке рискующем, но опытным, – невозмутимо продолжала Гриневская. – Никто вас не восхвалял, но и никто не назвал бесчестным. Я поначалу решила, что ко мне явился заурядный шантажист, желающий сорвать на хлеб с маслом. Вы можете мне пообещать, что, как бы ни повернулось расследование, интересы ребенка не пострадают?

Проявившаяся медлительность и мягкая хрипотца в голосе вовсе не сочетались с манерами деловой, твердой как кремль особы. «В ней нет гармонии, – догадался я. – На самом деле она совсем не такая, какой представляется».

Она не дожидалась, что отвечу я. Бесшумно проплыла мимо меня по направлению к вмонтированному в стену сейфу, отомкнула дверцу и достала тонкую белую папку с надписью «Личное дело». Вернувшись назад, села рядом и, пьяня ароматом дорогих духов, сказала:

– Ознакомьтесь. Думаю, вам это будет интересно.

Я замешкался, сильно озадаченный вопросом, с чего Жанна Гриневская пошла на контакт со мной без какого-то нажима с моей стороны, ведь особо открытой и доверчивой назвать ее было нельзя. Чувствуя подвох, я принялся рассматривать находящиеся в папке документы.

Саша Стрелков поступил в детдом два месяца назад, после того как в результате несчастного случая, отравившись

газом, умерла его мать. Отец мальчика в документах не упоминался, мать, Елена Стрелкова, с рождения воспитывала сына одна. Встретилась информация о бабушке по материнской линии, Зое Алексеевне Стрелковой, но, как прокомментировала Жанна Гриневская, бабушка не поддерживала никаких отношений ни с дочерью, ни с внуком и оформлять опеку не собиралась. Я достал блокнот и записал находящиеся в личном деле адреса, еще не имея понятия, пригодятся ли мне они.

– Саша – необычный мальчик, – рассказывала Жанна Гриневская, стряхивая пепел с сигареты в кофейное блюдечко. – Не в смысле, что с какими-то серьезными психическими отклонениями, но очень своеобразный. В своем развитии он ушел гораздо дальше своих ровесников. Я имею в виду начитанность, логическое мышление, склонность к анализу всех происходящих вокруг явлений. Сразу видно, что до поступления к нам с ним очень серьезно занимались. Еще у него был один пункт – увлечение Библией. И не в детском, красочном варианте, а именно взрослой. Ее он мог читать сутки напролет, а потом искал нашего общества, чтобы обсудить прочитанное. Саша сам признавался мне, что с детьми своего возраста ему скучно, их игры представляются ему бессмысленными и глупыми. Разумеется, с ним общался психолог, но никакой патологии выявить не удалось. Да, в компании детей он вялый, апатичный, не хочу употреблять слово «депрессивный», но это можно списать на пережитую тра-

гедию, потому что к матери он был очень сильно привязан. И только чтение отвлекало его от мрачных мыслей. Я была уверена, что по прошествии некоторого времени все образуется и Саша будет чувствовать себя в кругу сверстников так же свободно, как и наедине с книгой.

Я поблагодарил Жанну Гриневскую и собирался прощаться. Беседа многое прояснила, но многое запутала, мое недавнее присутствие в этих краях вроде бы осталось незамеченным, однако тайна освещенного настольной лампой окна по-прежнему не давала мне покоя. И я не справился с этим опасным любопытством, спросил:

– Где находится помещение для сторожей?

– На первом этаже, но там сейчас идет ремонт. На это время ночные сторожа делят комнату с дежурными воспитателями. А это второй этаж, самая крайняя дверь.

«И соответственно окно», – мысленно подытожил я.

– Что входит в обязанности дежурного воспитателя?

– А почему вас это интересует? – подозрительно быстро, вопросом на вопрос, ответила женщина.

– Просто я предположил, что дежурный воспитатель тоже остается в здании на ночь. И мог что-то видеть.

Женщина решительным движением раздавила сигарету в пепельнице.

– Эта информация не предавалась огласке в интересах официального следствия, и я в свое время обещала, что буду держать язык за зубами, – произнесла Жанна Олеговна. – Но

вам я почему-то верю и желаю помочь... прежде всего мальчику. Если вы сможете действовать аккуратно... Дежурного воспитателя зовут Федор Пырин...

Глава 4

НА СТРАЖЕ ДЕТСТВА

Не в правилах Жанны Гриневской было распространяться о своих сотрудниках и подчиненных за их спиной.

– Он очень скрытный человек, – неохотно делилась она. – Ни с кем из коллег не сходилась особо, никогда не шел на откровенность. Отношения в коллективе? Не дружеские, не враждебные – никакие. Но по работе на него нареканий нет. Не инициативный, но исполнительный.

– А как у него с личной жизнью?

– Я не из тех, кто собирает сплетни, а потом выдает их за чистую монету. По паспорту он разведен уже несколько лет, а живет ли с кем – не знаю. Скорее всего, нет, ведь женскую руку видно сразу.

– В смысле?

– Отутюжены ли брюки, чист ли воротничок рубашки...

Мне стало неловко. Почему-то слова этой красивой, ухоженной женщины я принял на свой адрес.

– Порой мне его становится жалко, хотя не бывает хуже, чем испытывать жалость к молодому мужчине, – слегка покраснев, добавила Жанна Гриневская. – Федору всего тридцать...

цать два года, но выглядит он гораздо старше. Видимо, у него была нелегкая жизнь, а может, его кто-то обидел в детстве. Он сторонится всех людей, будто от них исходит зло.

Я вновь достал свой рабочий блокнот и записал адрес воспитателя. А напоследок мы с Жанной Гриневской обменялись нашими адресами и телефонами.

Федор Пырин жил в наполовину опустевшем квартале на окраине города. Грунтовая дорога, ведущая туда, раскиснув от частых дождей, грязевой лавой стекала в овраг. А метрах в семиста, за бесконечными котлованами, возводился новый жилой массив. Но шум стройки не доносился до этой забытой, вымершей земли.

Осевшая хибара воспитателя скрывалась за бревенчатым частоколом. Я двинулся вдоль него и вскоре обнаружил калитку из обструганных, плотно подогнанных досок, достаточно высокую и крепкую, чтобы ее можно было перемахнуть без усилий или выбить с ходу. Рядом висел проржавелый почтовый ящик, звонок отсутствовал. Подпрыгнув и подтянувшись, я осмотрел запущенный участок перед домом. Тишина казалась обманчивой и таила опасность. Я спрыгнул и стал колотить в калитку кулаком. В ответ на мой стук раздался остервенелый собачий лай. Потом все стихло, лязгнул засов, и передо мной собственной персоной предстал хозяин.

Щуплый и съезжившийся, он был одет в пузырящиеся на

коленях трико и фуфайку на голое тело. Венчала все это великолепие маленькая цыплячья головка на тонкой бурой шее. Желтая шелушащаяся кожа плотно обтягивала его надбровные дуги и скулы, губы почти не выделялись, спутанные мышинового цвета волосы беспорядочно падали ему на лоб и уши.

– Кто вы? – Его зубы мелко застучали.

– По вашу душу, Федор Яковлевич.

Официальное обращение заставило его передернуться.

– Опять? Я болен. Взял бюллетень. Не встаю с койки.

Мои ноздри вобрали в себя густую волну перегара, а конечностям передалась дрожь его тела. Больничный бюллетень понадобился Федору Пырину, чтобы уйти в запой. И вынырнуть из него, когда все утрясется. Я шагнул вперед, потеснив воспитателя плечом. Никакого сопротивления я не почувствовал.

– Мне необходимо задать вам несколько вопросов. Надеюсь, вы догадались, на какую тему.

И тут Пырин преобразился. Тщедушное тельце вдруг обрело стальной стержень, ватные конечности окаменели.

– Нет! – оттолкнув меня, выкрикнул он. – Не получите ничего! Меня допрашивали весь день после убийства, взяли подписку о невыезде. И следователь строго-настрого запретил распускать язык перед всякими там журналистами! И я молчу! И пью для того, чтобы забыть! Понятно вам или нет?!

Это была самая натуральная истерика маленького, задав-

ленного обстоятельством, обиженного жизнью человека.

– Я не журналист, – опроверг я.

– Документы! – визгливо потребовал он.

– Я частный сыщик, вот моя лицензия.

– Тем более. Уходите! Оставьте меня в покое!

– Но ведь это вы обнаружили тело ночного сторожа и исчезновение мальчика, – напомнил я, не двигаясь с места.

– Я. И что с того? Обнаружил, вызвал милицию.

– А Жанна Олеговна говорила, что я могу рассчитывать на вас...

Он исподлобья смотрел на меня. Костлявые маленькие кулаки его сжимались, пальцы сводило судорогой. Нездоровая желтая кожа, тонкая, точно папиросная бумага, грозила лопнуть и обнажить череп; жилы на шее вздулись. «Рано состарившийся мальчик-дикарь», – окрестил его я.

– Мне не важно, что говорила Гриневская, – пробормотал Федор, однако истерических ноток в его голосе заметно побавилось. – Я не виноват, что ей больше всех надо.

– А почему ей больше всех надо?

– А? Что? Не знаю. Не цепляйтесь к словам. Просто совсем недавно я понял одну истину, которую сейчас уяснили даже подростки. Людской благодарности не бывает! Я угробил в этом детском доме почти десять лет своей жизни, а что получил? Подозрения, косые взгляды! Я знаю, никто мне не верит. И даже когда я заболел, лежал здесь с температурой и думал свести счеты с жизнью, никто из этих так называе-

МЫХ «КОЛЛЕГ» не соизволил меня навестить. И что я вообще там делаю? Что я, альтруист какой-то, за гроши с чужими детьми возиться? Ну, грешен, не дал бог торговой жилки, не умею *крутиться*, не езжу на «мерседесе», что ж с того, не человек, что ли?!

На его бесцветных опаленных ресницах дрожала прозрачная влага, солоноватые комки подступали к горлу, и все то, что он передумал за короткое время после убийства, а может, за последние годы своего безрадостного, полного нужды и лишений существования, сейчас, как ушат помоев, выплеснулось на меня.

– И все-таки я расскажу. Всё, как в милиции. Не знаю, на кого вы работаете, но я хочу, чтобы вы все знали, что я ничего не знаю! Авось тогда отцепитесь. Старик совсем плохой был. Ему бы на койке кряхтеть, а он, как оправился от инфаркта, опять на работу устремился. Его и держали больше не от нужды, а из жалости. Понимали, дома ему еще хуже, внучка от рук отбилась, шлюха, одним словом. И прикладывался он поэтому. Гробил себя добровольно, иного выхода не видя. В тот вечер ему совсем туго было, аж трясло с похмелья. У меня на пузырек просил, но я в этом самоубийстве участвовать не подписывался. Лег и уснул, это инструкцией не возбраняется, а сторожить – не мои обязанности. Что он делал после, где бродил, понятия не имею. Кто ж виноват, что все так обернулось?

– И больше ничего подозрительного в его поведении в тот

вечер вы не заметили?

– А чего замечать-то? Если все, что ему с полупьяных глаз померещилось, всерьез воспринимать, самому недолго свихнуться. Якобы Валька, внучка то бишь, убить его замыслила, якобы аж убийцу наняла, да дед его по пути на работу срисовал и ускользнул.

– Мишуков никому не звонил тем вечером? – собравшись с духом, спросил я.

– Кому звонить-то? – завелся воспитатель. – Кроме Вальки, никого на белом свете не имел, да и с той жил как кошка с собакой. Разве что друзьям-собутыльникам, но и то не при мне. Я ж за ним слежку не устанавливал, своих забот по горло.

Вздыхнулось свободнее. Я уверовал в своего ангела-хранителя, почти не труса, не идиота и не алкоголика. Он порхал в загаженном небушке и, словно подбадривая меня, поплевывал на мою лысину и тушил об нее окурки.

– Как преступник проник в здание? – обратился я к Пырину.

– Через дверь черного хода. И даже ее не подламывал.

– Получается, что сторож забыл закрыть ее? Нелогично, если он кого-то опасался. Не мог же он впустить убийцу сам.

– Ничего не получается, – кипел Федор. – Мало ли что он мне плел. Разжалобить, допустим, хотел. А как получил от ворот поворот, так любого с улицы мог позвать, лишь бы сто грамм плеснули. Похмелье ж... С ним не шутят...

– Но вы, разумеется, ничего не видели и не слышали, – закончил я, недобро подмигнув воспитателю.

– Не видел и не слышал, – ответил он дребезжащим от напряжения голосом. – Я спал.

Он не пожал протянутую мною руку. Жанна Гриневская оказалась права. Он дичился людей, видя в них одних врагов. Но была ли это только его вина? В какой-то момент я подумал, не дать ли ему денег, однако посчитал, что тем самым лишь оскорблю чувства маленького человека. Я протянул Пырину свою визитную карточку:

– Сообщите, если еще чего-нибудь вспомните.

– Мне нечего вспоминать, – огрызнулся он, но карточку все же взял.

Глава 5 ЯРЛЫКИ

Деревушка, небольшая и вымирающая, располагалась в низине. Летом – утопающая в зелени яблочных садов, осенью – в непролазной грязи, зимой – в похоронном саване снегов, весной – затопляемая потоками талой воды и глинистой жижи. Сейчас середина октября, самое мерзопакостное время, когда деревья стоят во всей своей тощей неприглядной наготе, а под ногами чавкает сочно и противно. Я не позаботился о резиновых сапогах и теперь, чертыхаясь, скользил в сверкающем месиве по направлению к нужному мне

дому.

И вот упираюсь в бревенчатую избу, обветшалую и словно забытую всем миром. На чудом сохранившейся табличке вижу изъеденную ржавчиной семерку. Я никогда не считал себя суеверным, но сейчас грустно усмехаюсь, думая о том, что подобная магическая цифра вряд ли приносила счастье этой семье...

Лицо женщины было матовое и серое, как изжеванная бумага, взгляд – бесцветный и пустой. Льянные, с желтоватым отливом волосы, убранные назад и прихваченные стальными заколками, не расчесывались уже давно. Женщина равнодушно посмотрела на удостоверение частного детектива в моей руке, пожала плечами, произнесла с мертвым спокойствием:

– И что вы пришли? Зачем? Мне уже сообщили, что он сбежал...

Честно говоря, я несколько растерялся, столкнувшись со столь неожиданной реакцией. Слезы, истерики, оскорбления, приказания немедленно уйти, даже рукоприкладство я воспринимал вполне привычно и мог просчитывать свои последующие шаги. Здесь же...

– Кто сбежал? – переспросил я. – Я говорю о вашем внуке.

– И я о нем. Вроде бы его звали Саша.

– Да, Саша, Саша Стрелков, – закивал я. – Вы ведь Зоя Алексеевна Стрелкова?

– Зоя Алексеевна? – Она словно на вкус пробовала свое

имя. – Да, так меня зовут...

– Следствие интересуют подробности этого дела. Может быть, вы?..

– Я?.. Почему я? Меня не интересуют никакие подробности.

– Кажется, я что-то недопонимаю, – затряс головой я. – Саша Стрелков действительно ваш внук?

Она жевала свои сухие губы. Страшная отрешенность читалась на ее землистом измученном лице. На меня начинала давить ирреальность происходящего.

– Зоя Алексеевна, он на самом деле ваш внук? – повторил вопрос я.

– Внук?.. Почему внук?.. Он сын моей дочери... – отвечала она.

– Разумеется.

– Но это еще ничего не значит...

– Почему?

– Потому... Потому, что я не хочу говорить о своей дочери. Потому, что я живу лишь для того, чтобы забыть ее.

– Забыть Лену Стрелкову? – Я уже едва сдерживался. Передо мной стояла сумасшедшая.

– Да, забыть Лену Стрелкову. Забыть все, что с ней связано.

– Лена – ваша родная дочь?

– Лена – моя родная дочь. Самая родная. И мне стыдно, что в ней текла моя кровь.

Земля качнулась у меня под ногами, глаза застлал серый туман, и из него вновь выплыло лицо Зои Алексеевны Стрелковой, но теперь это было лицо уродливой жестокой старухи.

– Поймите, я задаю эти вопросы не из праздного любопытства, – сказал я, что есть сил отгоняя жуткое видение. – Сведения нужны для поиска мальчика.

– Да, поиска мальчика... Ищите... Только чем могу помочь я?..

– Давайте для начала пройдем в дом. – Я предпринял робкую попытку к сближению.

– В дом?! – испуганно воскликнула Зоя Алексеевна. – Зачем вам нужен мой дом? Там не осталось ничего ни от Лены, ни тем более... Она убежала отсюда пятнадцать лет назад, едва закончив школу. И с тех пор ни разу не навестила меня. Я узнала, что у нее есть ребенок, вместе с известием о ее смерти.

– Вы не знаете, кто отец мальчика?

– Отец мальчика?

Я уже свыкся с ее манерой переспрашивать и повторять мои слова.

– Я не знаю этого. И не стремлюсь узнать.

– Но ведь что-то толкнуло вашу дочь сбежать из дома?

– Вы говорите о моей дочери? О моей дочери Лене?.. Она была просто неблагодарной... Неблагодарной и глупой, как все подростки ее возраста...

– А не было ли другой причины? – отважился я.

– Другой причины? – Зоя Алексеевна смотрела куда-то вдаль, мимо меня. – А какая может быть еще причина? – шелестели ее безжизненные губы. – Они все неблагодарны и глупы... И еще жестоки к людям, их растившим...

– Нет, причина гораздо проще, – перешел я в наступление, уже не думая о последствиях. – Если я не ошибаюсь, Лене в момент побега было шестнадцать или семнадцать лет. А девушки в этом возрасте уже активно интересуются противоположным полом.

Она не закричала. И не захлопнула дверь перед моим носом. Но ее слова, произнесенные так же тихо и ровно, обожгли мой слух.

– Хотите сказать, что все они шлюхи?

– Это неправильное слово, – осторожно ввернул я. – Если молоденькая девушка и идет по рукам, то делает это не вполне сознательно. И очень сильно страдает от каждой такой связи. А в глубине души все равно мечтает о принце и о том, что называется «большим и светлым».

Зоя Алексеевна недоверчиво выслушала меня.

– Я вам не верю, – ответила она. – Вы судите обо всех по себе. И защищаете разврат, потому что сами не упустите такой возможности. В шестнадцать лет они уже могут отвечать за свои поступки, и те сучки, которые прыгают из койки в койку, поступают так вполне осознанно.

– Ну, раз так, то в них течет испорченная кровь, – сдался я. Общение с Зоей Алексеевной стало совершенно невыно-

СИМЫМ.

– Испорченная кровь?.. – Женщина задумалась с приоткрытым ртом. – Нет, в ней не было испорченной крови. И она никогда не была шлюхой. Всего лишь неразумным ребенком. И слишком доверчивой к людям...

И я заговорил. Мне не нравился мой голос. В нем не было сочувствия, лишь холодный расчет и торжество охотника, загнавшего жертву в угол.

– Лена убежала отсюда не одна. Не отрицайте, Зоя Алексеевна, это пустое. Всегда рядом с юной девушкой найдется какой-нибудь парень. И все начинается вполне безобидно: с прогулок под луной и первых поцелуев. Так было раньше, так будет впредь. Вспомните себя и постарайтесь понять свою дочь хотя бы... хотя бы после ее смерти...

Я больше не видел перед собой чудовищного монстра. Я видел вполне обыденную картину. По рыхлым, измятым щекам женщины, оставляя влажные бороздки, текли слезы. Голос ее звучал по-прежнему тихо, но безутешно горько.

– Она... Леночка... всегда росла глупой девчонкой... И никогда не слушала меня... Считала себя слишком взрослой и умной... А в результате... Ее соблазнил и увез отсюда парень, старше ее на десять лет... Влюбилась, и ей ничто... А какой позор мне... матери...

– Кто он такой? – ухватился я.

– Он?.. Не знаю... Откуда мне знать?.. Она всегда мнила себя слишком самостоятельной... И ничего мне не расска-

зывала...

– Этот парень мог быть отцом Саши?

– Отцом Саши?.. Отцом Саши мог быть кто угодно...

Прошу, не мучьте меня больше... – И она, ухватившись за скобу двери, потянула ее на себя.

Какое-то время я все же удерживал дверь, что-то оживленно говоря. И будто вознагражденный за свое упорство, вновь услышал голос женщины, напомнивший мне шелест отживших осенних листьев.

– Я всю жизнь проработала в школе, воспитывала детей. У меня много почетных грамот и даже медаль... Но что они мне?.. Меня не навестил ни один мой ученик... Никто из тех, кого я выпустила в большую жизнь... И пусть. Зачем обижаться? Кто они мне? Чужие. Все чужие. Все, кого я помню наперечет, по именам и фамилиям. Бессовестные и неблагодарные...

Сама она имела такой вид, точно прожила всю жизнь и только в конце ее, обернувшись назад, не смогла объяснить себе, зачем и ради чего все это было нужно. И немым упреком стояла перед ней судьба родной дочери, которую она тоже не смогла воспитать человеком.

Дойдя до калитки, я бросил короткий прощальный взгляд на дом. Нет, она не наблюдала за мной, притаившись за занавеской, и вряд ли, вновь оставшись одна, задумалась о визите незнакомца. Зато краем глаза я уловил нечто, заставившее сердце биться сильнее. Навалившись двумя некогда

сильными руками на покосившийся плетень, от соседнего дома в мою сторону смотрел кряжистый кривоногий человек. Мрачные и тяжелые черты его лица скрывала белая спутанная борода, а в запавших глазах таилась робкая надежда на исцеление.

Глава 6

Б...

Предположение было изрядно фантастическим, и никаких иллюзий, что оно оправдается, я не питал. Однако ноги сами понесли меня. Я обогнул дом Зои Алексеевны Стрелковой и приблизился к соседнему, на вид такому же заброшенному, давно покинутому. Кривоногий бородач, казалось, не проявлял ни малейшего интереса к моему маневру.

– Закуривай, отец, – предложил я, по-блатному кривя рот и протягивая пачку сигарет.

Сосед невозмутимо залез в нее скрюченными артритом пальцами, подцепил одну, отправил ее в седые джунгли. Тут же я поднес огонька. На этот раз седобородый одобрительно кивнул, но продолжал хранить гордое молчание.

– Сына-то давно не видел, отец?

Я не имел понятия, есть ли у старика сын, а если и есть, имеет ли он отношение к побегу Лены Стрелковой, но опыт подсказывал мне, что в таких маленьких деревеньках жители если и не породнились друг с другом, то знают о земляках

каждую мелочь. Особенно соседи.

Шелохнулись кустистые, словно припорошенные инеем брови бородача, на меня без интереса взглянули два мутных глаза.

– Сына, говоришь, чужак? Сам-то кем бушь?

– Дружком его давнишним.

– Ну-ну, – протянул седобородый недоверчиво. – А я Петром Евсеичем, батей этого мудака. Дружок, говоришь?

– Дружок, дружок, Петр Евсеич, – горячо заверил я.

– Дружков я повидал на веку, знаю. Иной так представится, а опосля корки достанет.

– Обижает, отец...

– Обидчив ты больно, чужак, – загудел Петр Евсеич. – По кой бес к соседям тогда ломился? Что у Зойки интересного? Небось справки наводил?

Излишняя подозрительность седобородого не предвещала ничего хорошего.

– Бросьте, Петр Евсеич, домом спутался. С вашим сынком давно не якшался, вот и запамятовал, где он обитает, – ответил я, подхалимски лыбясь. Но мне не давала покоя мысль, что говорить, если мнительный Петр Евсеич вдруг догадается спросить у меня, как зовут его сына. Мне повезло.

– Ну, коли так, домом спутаться не грех. Сам, бывает, в потемках, перебравши немного... Вчера, например... – прозвучал тонкий намек. – А чё до сынка, мне он не докладывает, где шастат. Взросел уже, ума б еще набраться. Как от-

кинулся с зоны месяца три назад, всего раз здесь побывал. И опять в город. Дружков у него, видать, там много. Да и ты мне баки не заливай. Чё я за отец, когда родного сына задарма сдаю?..

– Ну, Петр Евсеич, так совсем не пойдет, – обиделся я в очередной раз. – Я к тебе и сынку твоему со всей душой, а ты меня за редиску держишь... Самогон у вас здесь где продается? Гляжу, болеешь ты шибко...

Все происходит как по взмаху волшебной палочки. Минут через пятнадцать действие разворачивается уже в его темной необустроенной избе, где каждый угол пропах самосадом, мужским потом, мышами и мочой. В качестве гвоздя программы – бутылка с чем-то мутно-зеленым и для внутреннего употребления непригодным. Гостеприимный хозяин, давась, вломил в себя содержимое граненого стакана, закусил долькой чеснока и бросился облегчать отравленный желудок в открытое окно. Лишь с третьей попытки ему удалось удержать в себе заветные двести грамм. Этого ему оказалось достаточно, чтобы побороть похмелье и сделаться мертвецки пьяным.

– Б...и! – зарычал он, шархнув кулаком по столу. – Все бабы – б... Возьми мою, коли хошь... Чё ей здесь не жилось?! Нет, попутал ее черт в актрисы лезть, спать с каждым встречным! Ну и чё?! Прирезали стерву! Где она и где я, спросишь?! А вот он, вот он я! – И, воспарив над столом, Петр Евсеич треснул себя кулаком в грудь. – А соседских

возьми, ну, Зойку, к которой щас стучался. Училка хренова, откуда она здесь объявилась? Из города! Наблудила, приехала с брюхом, а мужа – ищи-свищи! Развращает город, все в нем – б... Моего Сашку воспитывать взялась, наша-то мамка уже очурилась. А потом и Леночку свою, тоже б...

Возникшая пауза уходит на новое наполнение стаканов. По избе разливается ядовитый запах сивухи. Воспользовавшись моментом, когда хозяин, снося все на своем пути, вновь ринулся к окну, я без сожалений отправил свою порцию под стол.

– Так эта Зойка – б... – донеслось до меня сквозь надрывный рвотный кашель и чих. – На моего олуха бочку катила, будто таскал он ейну дочку на сеновал, а там по полной программе... Брехня, да и только! Сама, шалава малолетняя, кого хошь могла... Помню, как ее городские по очереди... На тачках приехали, с вином, с водкой, шашлыки на природе пожрать. Мне еще стаканчик налили... А мой охламон за нее и вступился. Пырнули его ножом в брюхо, да, видать, мало. Как отлежался, так похватили они с Ленкой манатки и в город съехали. В институт, дескать, поступать, а на самом деле – развратничать. Б... – они б... и есть!

Его лицо под всклокоченной белой бородой пылало, как очаг в каморке у старого Карло. Почему у Карло? От адского пойла, вони и воплей хозяина меня начало штормить. Старый Карло тоже был отцом, выстругавшим своего Буратино. Уголовника Сашку в свое время тоже выстругали. И очень

легко бросили.

После третьего возлияния гневная отцовская тирада достигает своего апогея.

– Дурак твой дружок, нелюдь и нехристь, так ему и передай! Никто из нашего рода, из Солонковых, зэком не был. Мой отец землю пахал, его отец землю пахал, я механизатор! А этот вор! И ладно б для себя тащил, а он для бабы... В этом-то я не сомневаюсь! Или для Ленки своей, или для какой другой б...! Б..., они до добра не доведут, попомни мои слова, сопляк! Сколько баб, столько и б...

Так же внезапно запал перегорает. Петр Евсеич, умолкнув, делает несколько неверных шагов к столу, любовно ласкает бутылку с остатками самогона и, издав воинственный клич, швыряет ею в меня. После чего, полностью умиротворенный, сворачивается калачиком прямо на полу.

Увернувшись каким-то чудом, я обильно потел и размышлял о том, что расследование разворачивается подозрительно быстро, напоминая шахматную партию, в которой каждый новый ход результативен. А это уже само по себе странно.

Глава 7

МОНАШКА

Хибара, развалюха, лачуга... Как-нибудь на досуге продолжите этот синонимический ряд. Глядя на этот полуса-

рай-полудом, трудно было поверить, что тут еще могут жить люди. А совсем поблизости, словно жестокая насмешка, росли особняки нуворишей, поедали бесхозный пустырь сооружения из стекла и бетона.

Девушка, открывшая дверь, испуганно и близоруко всматривалась в полумрак сеней. Маленького росточка, с болезненно впалой грудью, неровными зубами и рябоватыми щеками. Глаза цвета болотной жижи косили за стеклами очков.

– Вы, наверное, ошиблись, – произнесла она робко. – Если, конечно, не из...

– А если из нее?

Благоговение перед блюстителем порядка оживило маленькое некрасивое личико. Посторонившись, девушка впустила меня, даже не взглянув в документы.

– Я соседка... Леночкина соседка... Зина Куличок... Просто Зина... – затараторила она, икая от волнения. – У меня уже были... приходили от вас... Спрашивали про Сашу... И про Леночку тоже... Боже, как жалко... Какое... Какое несчастье!..

Я не слушал ее, глаза по сторонам. Кровать, комод, стол, несколько стульев. Вроде бы и не старые, но вся мебель выглядела здесь запыленной и ветхой, как и сама хозяйка. Монашка, добровольно заточившая себя в эту убогую келью. Отшельница, отказавшаяся от света и общества людей, но неосознанно тянущаяся к ним.

– Я пришел поговорить о Саше Стрелкове, – прервал я

причитания Зины.

– Да-да, конечно, – виновато пробормотала она. – Я знаю, что он сбежал. От ваших товарищей. Но здесь он не появлялся.

– А мог бы?

– Конечно. Куда ему еще идти? Я бы сразу же сообщила вам.

– Как я понял, вы единственный человек после Лены, который может что-то рассказать о Саше Стрелкове и, в частности, о том времени, когда вы жили все вместе.

Мои слова польстили Зине.

– Саша был замечательный мальчик, – с романтическим блеском в косящих глазах заговорила она. – Пусть он не ходил в детский садик, Леночка и я сами растили его, он ничуть не был избалованным. Зато Саша избежал общения со сверстниками в том возрасте, когда дети еще плохо разбирают, что хорошо и что плохо. Ведь в садик ходят дети разных родителей, и мало ли что они выпитывают и приносят из семьи? А вот к школе Саша был полностью готов, и мы с Леночкой были уверены, что ему не грозит попасть в дурную компанию. Он уже мог делить мир на плохое и хорошее, черное и белое. Саша очень тонко чувствовал прекрасное и отторгал грязь.

– Извините, Зина, – оборвал я ее восторженное повествование. – Я имел долгий разговор с заведующей по воспитательной работе Жанной Гриневской, которая тоже успела по-

знакомиться с Сашей, и с тех пор мне не дает покоя один вопрос. Может, я и заблуждаюсь, но интересы ребенка его возраста мне представляются несколько иными. Просто я вспоминаю себя.

Я выразительно посмотрел на Зину Куличок, и девушка вся затрепетала, подавшись вперед.

– Его увлечение Библией – это что, противоядие от уличных шалостей, детского мата, показа гениталий? – любопытствовал я. – Помните, была такая игра в «доктора»? И самое главное: ведь это вы обратили его детский ум к Богу?

– Да, я, – не моргнув глазом, призналась девушка и сладко заулыбалась, погружаясь в родную стихию. – И не вижу в этом никакого греха. Тема Добра и Зла вечна, она сопровождает нас с рождения до смерти, а Библия учит только добру и милосердию.

– Еще как, – тяжело вздохнул я. – Но спустимся на грешную землю. Все-таки я мент, и мой удел – расследовать преступления. Вы мне можете?

– Конечно... Извините... Мне так неловко, что я начала этот разговор. Но боюсь, вы заблуждаетесь насчет Саши, если решили, будто он рос каким-то... зацикленным. Саша был разносторонне развит. И как все ребята, любил шумные игры. А потом умерла Леночка, и наступила ночь.

– Саша случайно не был свидетелем ее гибели? – поинтересовался я.

Зина смертельно побледнела и отрицательно затрясла го-

ловой. Попятилась назад, задела за ножку стола и едва не упала. Но почему-то это ее неловкое движение мне показалось каким-то наигранным.

– Вера в Бога помогла Саше справиться с несчастьем, – приступила к рассказу соседка, морща узкий лобик и проводя внезапно увлажнившимися ладонями по застиранному домашнему халатику. Никакой таинственности и женственности не присутствовало в ее жестах, что-то болезненное, старушечье угадывалось за ними. – Саша ведь был уверен, что Леночка попадет в рай и познает вечное блаженство. Да, именно туда стремимся все мы, живя этой греховной жизнью. Но только не подумайте, что Саша, найдя для себя такое объяснение, был бессердечен. Он очень сильно страдал и винил в случившемся в первую очередь себя. Поэтому он и замкнулся в себе, отгородился от внешнего мира.

– В чем же заключалось это чувство вины? – удивился я.

– Саша задержался на улице, играл с ребятами в парке, – пояснила девушка. – Если бы он пришел вовремя, ничего бы не произошло. Он бы еще успел разбудить Леночку...

– А не кажется ли вам, Зина, что осознание собственной вины – слишком сложное чувство для восьмилетнего паренька?

– Нет, что вы... Саша был очень развит.

– Жаль... Еще классик говорил про горе от излишнего количества серых клеток, – произнес я в пустоту, встряхнувшись, возвращаясь в настоящее. – Сколько вы прожили здесь с Ле-

ной Стрелковой?

– Семь лет. Почти что восемь. Саша был тогда совсем крохотный, – ответила соседка.

– А как вы познакомились с ней?

– С Леночкой? – переспросила Зина, и вновь накотившее волнение помешало гладкому изложению событий. – Я только приехала в этот город... стояла с чемоданами... В общегитие устроиться было нельзя... нужна справка с места работы. А на работу не брали без прописки... Сами понимаете, замкнутый круг... И тут Леночка... Она была так необыкновенно добра... Пожалела меня... Пустила к себе пожить... И помогла с работой...

– Так просто, без прописки? – совершенно не к месту усмехнулся я.

Монашка отчаянно покраснела.

– Н-нет... Она... Она...

– Вот так просто прописала у себя первую встречную?

– Зачем?... Зачем вы так? У меня не было никаких дурных мыслей. И вы совсем не знали Леночку. Она... Она могла поделиться последним...

Зина отвернулась к комоду, выдвинула нижний ящик. Я видел в висящем на стене зеркале ее лицо. Девушка из последних сил пыталась удержать слезы.

– Я немножко рисую, – вымолвила она стыдливо. – И как-то сделала Леночкин портрет. Я считала ее самой близкой подругой...

Любительский портрет на обычной белой картонке был выполнен цветными мелками. Может, рисуя, Зина польстила своей подруге, но и без этого становилось ясно, что Лена Стрелкова была живым воплощением молодости и жизнелюбия. Она смеется, запрокинув голову. И складывается ощущение, что трепещут ее белокурые, рассыпавшиеся по плечам волосы, задорным блеском лучатся поразительно голубые глаза и даже вздергивается аккуратный любопытный носик.

Кажется нелепым, что эта красивая молодая женщина жила в такой халупе – однокомнатной, перегороденной лишь фанерой, и диким то, что она умерла...

– Она была больше чем привлекательна, – произнес я. – Я не поверю, что у нее не было любовника...

Наблюдаю за девушкой. Она болезненно закусывает губы, краска смущения ударяет ей в лицо.

– Почему вы все, мужчины, так говорите?! Готовы представить каждую женщину...

– Это всего-навсего жизнь. Если хотите, физиология. И никакого греха в этом нет. Разве забыли, «и благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь»?

Она тряслась всем своим щуплым тельцем.

– Нет! Если бы так... Но ведь вы... Ведь вы сами ищете в людях, наоборот, самое постыдное, гнусное, низменное... То, что называется блудом и пороком! Конечно, у Леночки могло быть много мужчин, и будь она другой, давно бы жила

со своей красотой в каком-нибудь из тех особняков! Но у Леночки была чистая душа! Она любила своего сына и всего одного мужчину!

– Который был отцом ее ребенка?

– Да!

– С которым она сбежала от своей матери?

– Да!

– Но который потом сбился с пути истинного и стал вором и уголовником? – окончил я на полтона ниже.

Жалко исказилось рябоватое птичье личико.

– Нет... Неправда... Этот человек давно умер... Они даже не успели пожениться...

– А сын?

– Саша?... Саша родился позже. Леночка так назвала его в память об отце...

– И тем не менее я предпочел бы услышать эту историю со всеми подробностями, – заявил я официальным тоном.

Первой реакцией Зины был привычный, столь ожидаемый мною испуг, но в следующий момент ее косящие глаза приобрели мечтательное выражение, способное вызвать у натур более чувствительных, нежели я, приступ слащавого умиления и жалости.

– Я немножко пишу, – в очередной раз отважилась признаться девушка. – И запоминала все Леночкины истории. Не знаю, как бы отнеслась она, но потом я записывала их. Может, мне повезет и я издам это произведение в серии

«Любовный роман»...

Суетливое метание в четырех стенах, шум выдвигаемых ящиков, шорох перекладываемых бумаг – и Зина протягивает мне толстенную амбарную книгу с искусно выполненным заголовком: «Истинные чувства». Я принимаю рукопись, обещаю непременно вернуть по прочтении и погружаюсь в уныние, предчувствуя скорую пытку.

– С кем Лена еще поддерживала отношения?

Девушка лихорадочно соображала, закатив глаза под потолок.

– Не знаю... Даже не знаю, что вам и ответить. Леночка жила очень замкнуто, много читала, воспитывала Сашу и еще... мы часто говорили с ней о Боге...

Меня разобрал смех, и, лишь собрав всю волю в кулак, я смог подавить начинающуюся истерику. Я вспоминал смеющееся лицо на портрете, и, провались я на месте, это лицо никак не могло принадлежать мрачной богопослушной затворнице. Я ощущал, что с самого начала меня очень умело водят за нос.

– Так неужели, кроме вас, ей никто не был близок?

– Была... Была одна преподавательница. Из университета, где училась Леночка.

– И кто же эта преподавательница? – На этот раз от собственного бессилия я рассмеялся.

– Тамара Ивановна Белецкая. По литературе. Леночка часто навещала ее. А однажды брала меня.

– И вы помните адрес? – наседал я.

– Конечно... Точнее... – путалась монашка. – Какая улица, дом... Совсем не знаю. Но расположены... Сейчас я объясню.

Перед уходом я осмотрел газовую плиту, находящуюся в том же помещении за занавеской, и дверной замок. Аналогичные замки без труда открываются гнутым гвоздем. Зина наблюдала за мной с нарастающим волнением.

– Вы... Вы сомневаетесь, что с Леночкой произошел несчастный случай? – Один-единственный вопрос робкой пташкой спорхнул с ее дрогнувших губ. Но и его я оставил без ответа.

Глава 8 ПОСИДЕЛКИ

Эти небольшие дворики забытых провинциальных городов словно скопированы друг с друга. Не сопротивляясь течению времени, они преобразуются в ногу с ним. Могучие полувековые деревья срубаются с завидной оперативностью, и на смену живой зеленой стене вырастает стена железобетонная – гаражей и мелкооптовых складов. Лишившись опеки тяжелых благоухающих крон, печально складывается судьба этих маленьких тихих двориков: приземистые двухэтажки, детские площадки, беседки отживающих свой век стариков и старух выглядят особенно жалко на фоне расту-

щих каменных джунглей.

Необратимо ушли в прошлое времена, когда дворики эти считались вполне мирными: потасовки местных мальчишек воспринимались как ЧП и становились темами экстренных педсоветов в школе. Теперь эти дворики облюбованы для разборок криминальными авторитетами, отстреливающими своих конкурентов и игнорирующими милицию.

Убогие дворики глотают сладкую слюну, распространяясь о своих новых героях: банкирах, громилах и проститутках. Несчастные дворики, перечеркнув свое прошлое, не замечают, что давным-давно умерли.

Замусоренная улочка, грязно-желтый дом, крайний подъезд, угловая квартира на втором этаже. И если есть время и желание, прощу на мою скромную «Бейкер-стрит».

Письменный стол, несколько стульев, сервант, шкаф для пожиток, древний телевизор, продавленный диван с обшивкой, испортой пружинами, – убогая обстановочка, и та – наследство от тетки; новый Шерлок Холмс стал аскетом.

Подушка, одеяло и простыня – серый бесформенный ком. На наволочке – длинные рыжие волосы и следы вульгарной красной помады. За диваном – окурки и использованные презервативы. На батарее в ванной – нижнее женское белье. На столе в кухне записка, кладезь грамматических ошибок:

Прасти саседушка так палучилась девка чума .

Значит, он опять был здесь. Он не пропускает ни одной моей отлучки. Он не пропускает ни одной командировки

своей жены. Он не пропускает ни одной юбки. А еще он помаленьку приворовывает, помаленьку мошенничает, помаленьку приторговывает анашой и с удовольствием покуривает ее сам. В остальном же он, шустрый, щупленький и белобрысый, абсолютно безобиден, горячо любит двоих своих детишек-близняшек, а ко мне добр настолько, что без лишних вопросов дает деньги в долг и выполняет некоторые мелкие поручения. Взамен же просит немного: угла в моих апартаментах при знакомстве с очередной глупышкой. Я не задумываюсь, как он проникает в квартиру в мое отсутствие, наверняка мой предусмотрительный сосед заранее изготовил дубликат ключей.

Да, он действительно мой сосед уже не первый год, а имя у него так просто ангельское – Семушка Кирпичиков.

Через стену я слышал все, что происходило в соседней квартире. Очередная открывшаяся измена грозила обернуться грандиозным скандалом с битьем посуды, рукоприкладством и вызовом милиции. Однако меня больше не занимали семейные склоки, благо мое нынешнее занятие было куда интереснее. Достав из холодильника банку консервов и бутылку водки, я приступил к вечерней трапезе. Потом опустевший стакан выпал из моей расслабленной руки, но, так и не найдя равновесия на мирно вздымающемся животе, скатился и стукнулся об пол. А еще позже кто-то стал настойчиво трясти меня за плечо и говорить что-то о незапертой входной двери. Я продрал глаза и увидел знакомого следова-

теля, с которым уже встречался сегодня и имя которого не помнил. «Пусть будет Ивановым», – решил я и поднялся.

Иванов был все в том же сером помятом костюме с плохо выбритым одутловатым лицом. Ему было всего лет сорок, но плешь съела ему почти все волосы, глаза смотрели устало и тускло, плечи были вяло опущены. Он имел вид человека, уставшего от жизни. Из рта у него пахло.

– Вот решил зайти на огонек, – сказал Иванов. – Гостей принимаешь?

– Присаживайся, – сказал я и ввернул свое «фирменное»:
– Выпить будешь?

– После работы можно, – кивнул он. – Я ведь тоже не с пустыми руками.

Он достал из авоськи бутылку водки, граммов двести вареной колбасы и четвертинку ржаного хлеба. Мы молча чокнулись, выпили и закусили. На серых щеках Иванова мгновенно проступили капиллярные сосуды, как и у всех любителей закладывать за воротник. Он равнодушно осмотрел мое жилище:

– Один живешь?

– Угу.

– Я бы тоже пожил в свое удовольствие. – Рука Иванова вновь потянулась к бутылке, щедро наполнила наши стаканы. – На работе вертишься как белка в колесе, нервы, выволочки от начальства, приходишь домой, хоть бы там покой найти. Ан нет. Жена всю плешь проела: много работаю, ма-

ло получаю. Раньше все устраивало: на даче отдыхали, ребяташек в лагерь по путевке, случалось, на юг всей семьей... Квартирu получил, за машиной в очереди отстоял, жене шубу справил... А недавно женина подружка замуж повторно выскочила за бизнесмена, в особняк переехала, на собственной «вольво» разъезжает. Моя благоверная мне все уши прожужжала, вот как, мол, жить надо. Я для интереса на этого малого кой-какую информацию собрал. И что ты думаешь, нечистое там дело, жулик он, причем крупный. Но чтоб посадить, доказательств не хватает. И вот как-то учинила мне супружница очередной разнос, что пачку в день я курю, и это много, на бюджете отражается. Слово за слово, и я ей по злости высказал про того бизнесмена. Кого ты мне в пример ставишь, говорю, вора, мошенника? А она и заявляет, что лучше бы я был вором, а не ментом занюханым, зато о семье позаботиться бы смог. И детей против меня настраивает, что не любит их папка, раз компьютер купить не в состоянии. А они у нас маленькие, все вбирают, гляжу, уже сторонятся меня, смотрят надувшись. Но ей и этого мало. Собирается на развод подавать, квартиру разменивать. Мне и на жену плевать, и на квартиру, мне дети важнее. Вот только понимаю, что по суду они ей достанутся, хоть и сука, но мать все-таки... Домой теперь идти неохота, вот к тебе и зашел. Еще?

Мы выпили еще. Пока я не мог разобраться, что побудило Иванова явиться ко мне поздним вечером и рассказывать историю своей несчастливой семейной жизни. Я не был ему

другом, мы не виделись несколько лет, и даже будь человек так одинок и надломлен, он бы выбрал в качестве жилетки кого-нибудь другого. Я чувствовал, что визит Иванова как-то связан с делом Вальки Гуляевой.

– Вот ответь мне, – сказал Иванов, с жадностью пережевывая колбасу. – Раньше ты тоже был из наших, но ушел на вольные хлеба. В чем-нибудь выиграл?

Этот вопрос мне задавали многие, в основном бывшие коллеги, и отвечать мне на него порядком надоело.

– Теперь я сам по себе. Нет начальства, не надо писать глупые отчеты и торчать на ковре у прокурора, – сказал я. – К вопросу о деньгах – могу позволить себе жрать три раза в день, только на это порой не хватает времени. Да и материальные блага, насколько ты понял по убранству моих хором, для меня не особо важны.

– Я тоже хотел уйти со службы, заняться частной практикой, – поделился Иванов. – Но, когда проработал в органах половину жизни и сросся с этой структурой, меняться сложно. И привычки, и психология – все другое. Разве я представлю сейчас, что меня могут просто по-русски послать, а если буду особенно навязчив со своими вопросами – набьют морду? Друзья тоже не поймут, они все менты и вашего брата не любят. Еще?

И мы опрокинули по пол стакана. Только тут он перешел к главному.

– У тебя было слишком мало времени, чтобы поговорить

с Гуляевой, – прочавкал Иванов набитым ртом. – В тюрьму к ней тебя не пустят, ты не адвокат, а все эти корочки частных сыщиков для нас – филькина грамота. А я имел с ней долгий разговор, даже имею протокол допроса.

Дальше догадаться было несложно.

– Сколько ты хочешь за информацию? – спросил я Иванова.

– Постой, – поморщился он. – Я за всю жизнь не взял ни одной взятки. Поэтому, наверное, и нахожусь в дерьме. Бывало, бандиты пытались купить у меня информацию. Иногда запугивали. Зато теперь знают, что со мной такие фокусы не проходят. У нас же с тобой другой случай. Я оказываю тебе дружескую услугу, ты даешь скромное вознаграждение. По рукам?

За копию протокола допроса я заплатил ему пятьдесят долларов из денег Вальки Гуляевой. По тому, как ожили его глаза и разгладилась унылая складка губ, мне стало ясно, что он не рассчитывал на столь щедрое вознаграждение. И очень скоро я понял почему. В протоколе не было ровным счетом ничего, что бы заинтересовало меня. О мальчишке вопросов не задавалось вообще.

– Она говорит, что у нее есть алиби, – комментировал Иванов, а я почему-то думал, будто ему самому неудобно за тот товар, который он мне по-дружески всучил. – Якобы в ту самую ночь, когда убили деда, она была с клиентом. Зовут Миша, симпатичный, на вид лет тридцать. Подцепила его в

районе вокзала, он сам из Москвы, был командирован в наш город. Говорил, всего на сутки. Сам понимаешь, это сказки про белого бычка. Никто мифического Мишу в Москве искать не станет. Начали работать с ее постоянной клиентурой, ужасный сброд, каждый в отказ и у всех алиби. Пытаемся найти сутенера, того самого мужика, который отлупил деда в подъезде по внучкиной просьбе.

Это место я самостоятельно нашел в протоколе допроса.

Следователь. Чем была вызвана эта просьба?

Подозреваемая. Я тогда клиента при бабках подцепила, привела к себе. Он мужик щедрый, в кабак сводил, обещал хорошо заплатить поверх тех башлей, что я сутенеру отстегиваю. Сам от жены гуляет. Дед как раз в ночную ушел. А соседи нас видели, деду позвонили, что я опять... Дед взял – и в ноль-два, дал наш адрес, будто вооруженный налет. Группа захвата, дверь с петель, нас на пол. Клиент вне себя, что, если жена узнает? Разумеется, не заплатил.

Следователь. Это именно тогда вы угрожали деду?

Подозреваемая. Вроде как.

Следователь. Вспомните, что вы говорили.

Подозреваемая. Ну... я тогда не в себе была... Что ненавижу... Что хочу, чтобы... Да и чего вы привязались?! Вам уже без меня доложили...

Следователь. А потом подговорили сутенера.

Подозреваемая. Не помню. Может, и подговорила... Но лишь для того, чтобы припугнуть, ударить там пару раз...

Я сплюнул на пол от нахлынувшей злости. Моя клиентка была либо полной дурой, либо настолько подавлена всем происходящим, что ее больше не интересовало будущее и она сознательно затягивала петлю на своей шее. Я сложил листы и передал их Иванову.

– Ты ее серьезно собираешься закрыть? – спросил я.

– А что валандаться? – вполне искренне удивился следователь. – Начальство давит, требует показатели. Конечно, есть здесь некие странности. Орудие убийства, к примеру. Никаких следов пальцев, но девка могла быть в перчатках. Еще анонимный телефонный звонок. Голос мужской, но, чувствуется, сильно измененный. Сообщил, где тот самый нож мы обнаружим. Согласен, притянута, но это все тонкости.

– А мальчик?

– Ничего про это не знаю.

– И ты еще спрашиваешь, почему я забил на вашу службу?

Я выпил, не предлагая ему. Следователь мстительно смотрел куда-то мимо меня.

– Презираешь, – выдавил он. – Желаеть остаться честным. И не запачкаться в дерьме. Не удастся. С этого и надо было начинать, Галкин. А я, дурак, хотел по-человечески. Мы выяснили, кому Мишуков звонил незадолго до смерти. Всего один звонок. И это был ты.

Я ждал подобного, однако рассчитывал, что сказано мне это будет не по-пьяни, а на официальном допросе, с торже-

ствующей улыбкой, с трогательной демонстрацией наручников, с милым приглашением в заждавшуюся меня камеру.

– Чего на это нафантазируешь? – зло ухмыльнулся Иванов.

Мне незачем было врать. Я выложил, при каких обстоятельствах познакомился с дедом и его внучкой, и даже сослался на свидетеля, любовника-неудачника, за которым следил весь тот день. Следователь хмуро выслушал меня.

– Зачем же Мишуков звонил тебе?

– Просил опохмелить.

– А ты?

– Сказал, что на мели, и завалился спать.

Он никак не отреагировал. Хотя должен был распушить хвост, ткнуть мне в морду убийственные показания свидетеля, затаившегося за окном второго этажа. Или дежурный воспитатель на самом деле ничего не видел, или с какой-то целью утаивал правду.

Дальше мы пили не чокаясь, в абсолютном молчании. Как он ушел, я не помнил.

Часть вторая

ВСЕ ПОДРУЖКИ ПО ПАРАМ...

Глава 1

НЕ ЖДАЛИ

Новый день ничем не отличается от предыдущего. Солнце лишь изредка выказывает свой мутновато-желтый лик и вновь окутывается рыхлыми медузообразными тучками. Дороги по-прежнему черны и скользки. А я вхожу в этот мир с неизменно мерзким чувством похмелья.

Потом освобождаю желудок, скрючившись над унитазом, принимаю контрастный душ, бреюсь и чищу зубы. На водку я не могу смотреть без содрогания и борюсь с недугом, прибегнув к употреблению шипучего американского средства, которое, если верить инструкции и навязчивой рекламе, должно спасать в подобных случаях. Однако заморские разработчики вряд ли даже помышляли обо всей глубине и тяжести чисто русской расплаты за веселье. Лишь залив в себя остатки вчерашней водки, я почувствовал себя человеком. До такой степени, что тусклое осеннее утро показалось мне вдруг каким-то торжественным, праздничным.

Нужный мне дом находился минутах в двадцати ходьбы.

Выстроенный в грозные времена изничтожавших друг друга наркомов, дом этот до сих пор смотрелся величественно и неприступно. В подъезде – холод, полумрак и влажность расстрельных подвалов. На двери в квартиру – начищенная до блеска медная табличка с гравировкой:

ИННОКЕНТИЙ ГЕОРГИЕВИЧ БЕЛЕЦКИЙ

Я гадаю, кем же он приходится Тамаре Ивановне: отцом, братом или мужем? Надавливаю кнопку звонка и слышу, как где-то в глубине квартиры он оборачивается будоражащим дребезгом. Почти сразу дверь открывается, и приглушенный, но хорошо поставленный женский голос просит войти. В прихожей оказывается даже темнее, чем в подъезде, и я почти не вижу хозяйку, едва улавливаю тусклое свечение серебряной броши на ее шуршащем платье.

– Вы уж извините за неудобство, в прихожей перегорела лампочка. – Красивый голос удалялся от меня, словно устремляясь в какой-то длинный черный туннель. – Проходите в гостиную, к свету. Только прошу, будьте осторожней.

Я разулся и двинулся на голос, держась за простирающиеся вдоль стен книжные шкафы. В конце туннеля брезжил слабый свет, и вскоре я оказался в большой комнате.

Массивная старомодная мебель, представленная здесь как на аукционном торге, делала гостиную вовсе мрачной. Шторы задернуты, освещение исходило от старой люстры, запыленные плафоны которой нависали над большим круглым столом подобно гроздям незрелой рябины. Тамара Ивановна

стояла посреди зала, опершись одной рукой о добротную дубовую поверхность стола, и в ее осанке, умении держать себя безошибочно угадывался человек, полжизни находящийся за кафедрой, на обозрении многих десятков глаз. У нее были тонкие, очень правильные черты лица, в рисунке губ, форме носа, изгибе бровей ощущались породистость и врожденная интеллигентность, и все же лицо казалось каким-то застывшим, нарисованным. Красиво уложенные темные волосы имели вкрапления тонких седых нитей. Ей было лет пятьдесят, может, немногим больше, но я не мог поверить, что она жила одна в этом сумрачном склепе, годном разве что для дряхлого старика. Наверняка жив еще И.Г. Белецкий (отец?), какой-нибудь заслуженный и высокочтимый деятель науки.

– Боюсь, что если вы кого-то и ждали, то это не меня, – произнес я, призвав на помощь всю свою тактичность.

– Почему же? – проговорила она спокойным голосом. – Меня часто навещают мои бывшие студенты. И в университете, и на дому. Дайте время вспомнить, в каком году вы заканчивали.

Тут впервые женщина улыбнулась, и в глазах ее появилось тепло: сейчас она думала о том, что наполняло ее жизнь и что являлось ее смыслом. А я невольно подумал о Зое Алексеевне Стрелковой, в жизни которой не осталось ни смысла, ни отрадных воспоминаний.

– Нет, – разуверил я Тамару Ивановну. – Я никогда не

был вашим студентом и тем не менее имею разговор к вам. Я пришел относительно Лены Стрелковой.

Я не мог ошибиться: услышав имя своей бывшей студентки, женщина вздрогнула, а уже в следующую минуту тяжело опустилась на стул. Но она не была напугана. Так переносят душевную боль, вдруг напомнившую о себе. Нет слов. Нет слез. Нет ничего в окружающем мире. Потому что слова сказаны, слезы выплаканы, а мир меркнет перед тьмой смерти. Есть только боль, неумная и бесконечная. Так не играют. Настоящую боль сыграть нельзя. И моя рука, потянувшаяся за лицензией, остановилась на полпути. Я вдруг очень отчетливо представил себе чувства этой женщины и понял, насколько мелочными, пустяковыми, даже кощунственными покажутся ей интересы какого-то частного сыщика. Вряд ли я отдавал себе отчет, произнося свою следующую фразу:

– Меня зовут Евгений Галкин. Может, Лена ничего не говорила вам обо мне, но мы... познакомились незадолго до ее смерти...

Тамара Ивановна смотрела на меня и в то же время куда-то в пустоту. Под ее померкшим взглядом меня пронзила странная болезненная мысль: сколько же я потерял, что не знал Лену Стрелкову и не мог испытать к ней никаких чувств?

– Сядьте, – сказала Тамара Ивановна каким-то чужим голосом, и я подчинился. – Почему вы пришли ко мне? Зачем?

– Я понимаю, что это глупо, – ответил я. – Особенно сей-

час, когда Лены нет. Но я слишком мало знал о ней при жизни. В ней была тайна, которую я тогда не смог разгадать. И эта тайна до сих пор не дает мне покоя. Однажды Лена что-то говорила мне о вас, и я подумал, что вы знали ее больше. Вот и все.

Белецкая долго молчала. А потом воспоминания всколыхнулись в ней, и были они безоблачными и светлыми, и в глазах женщины затеплился огонек жизни.

– Пожалуй, меня можно осуждать, ведь педагог не должен иметь учеников-любимчиков, – говорила Тамара Ивановна. – Но с Леной был особый случай. Я преподавала русскую литературу как раз на Ленином курсе. Правда, они не были филологами и не выражали большого рвения в моем предмете, однако Лена... Она прекрасно читала стихи... Есенин, Ходасевич, Северянин, Белый... Вообще любила Серебряный век... У нее был такой чистый голос, что трогало до слез. И самое удивительное, ей вроде бы никто не прививал любви к прекрасному. Она совершенствовалась сама, пропуская каждую строчку, каждое слово через сердце и душу...

– У меня сложилось впечатление, что вы с Леной были очень близки, – сказал я, подгадав момент, когда Тамара Ивановна остановится, чтобы передохнуть. – Не рассказывала ли она вам, как жила в последнее время?

Женщина посмотрела на меня несколько странно, одновременно с укором и печалью, будто я вынуждаю ее говорить о чем-то, отчего сам буду страдать.

– Лишь до определенной степени, – отозвалась она довольно сухо. – Вы мужчина, которому Лена... насколько я поняла... была небезразлична, и вас, разумеется, интересует, был ли у нее *любовник*. Да, любовник, – повторила Тамара Ивановна вполне обыденно, чего, признаться, услышать от нее я не ожидал. И продолжала: – Ничего постыдного в этом слове нет, я просто называю вещи своими именами. Лена не была замужем, но она красивая молодая женщина и соответственно не собиралась жить затворницей. Но нормальные люди не афишируют столь интимные вещи. Если она и была с кем-то откровенна на эту тему, то не со мной.

В этот момент дверь смежной комнаты отворилась, и в гостиную вступил высокий подтянутый старик, одетый по-домашнему. Взлохматив седую гриву широкой узловатой ладонью, он вонзил в меня цепкий взгляд из-под шевелящихся мохнатых бровей. В остальном же его костистое вытянутое лицо оставалось неподвижно.

– Что здесь произошло? – обратился он суровым тоном к Тамаре Ивановне.

Я подозревал, что сейчас стану свидетелем сцены, когда престарелый отец отчитывает свою тоже уже немолодую дочь, и скромно отодвинулся в угол комнаты, приняв позу стороннего наблюдателя.

– Во-первых, Кеша, ты для начала мог бы поздороваться с гостем, а уже потом выяснять, что произошло, – невозмутимо ответила женщина.

Старик проигнорировал первое замечание и повторил свой вопрос.

– Этот человек пришел поговорить о Лене Стрелковой, – сказала Тамара Ивановна.

Седовласый Кеша решительно рубанул рукой воздух.

– Черт знает что, Тома! Сколько раз я просил тебя не впускать в дом посторонних. А вам, молодой человек, вовсе не следовало говорить с моей женой, для нее это слишком большая травма. Могли бы обсудить все со мной, раз вы из милиции.

«С женой?! Значит, муж», – пронеслось у меня в голове. А в груди разливалось чувство чудной необъяснимой тоски: «Неужели такая чувствительная натура может жить с таким хамом?!»

– Я не из милиции, – все же бесстрастно ответил я.

– Раз так, вам вообще нечего делать в нашем доме, – услышал в ответ.

– Если вы настаиваете, я уйду.

– Но сначала объясните, что вам было надо.

– Успокойся, Кеша, – вступилась Тамара Ивановна. Она не выглядела ни виноватой, ни напуганной. – Этот человек был знаком с Леной.

Суровый старик расхохотался. Смех его был совсем не старческий и совсем не добрый.

– Ха! Тайный воздыхатель! Что еще за новость?! Что за чушь?! Откуда он взялся?! Извините, откуда вы взялись, мо-

лодой человек?!

– А что, я вам чем-то не угодил? – спросил я резко, что несколько сбило со старика спесь.

– При чем здесь я?! – выкрикнул он. – Все дело в Лене. Сейчас на свете осталось слишком мало порядочных людей. А она уже обожглась в жизни.

– И ушла из нее, – прибавил я.

– Ушла? – Он поперхнулся и отошел в дальний неосвещенный угол комнаты. – Да, нелепый несчастный случай.

– Но если так, – заикнулся я, – что бы вы ни сказали... уже не сделаете ей хуже...

– Действительно, Кеш... – произнесла Тамара Ивановна.

Если сначала, как мне казалось, ее тяготило общение со мной, то теперь, при появлении мужа, она, напротив, нуждалась в моем обществе. Или в обществе любого другого человека.

– А по какому такому закону я должен что-то рассказывать постороннему?! – продолжал кипятиться старик. – У него не написано на лбу, кто он такой! И Лена о нем никогда ничего не говорила!

– У Лены тоже могли быть свои секреты, – спокойно и серьезно возразила Тамара Ивановна. – Мы тоже когда-то были молоды...

– То было другое время, – ворчливо отозвался хозяин, но становилось ясно, что сопротивление его сломлено. – Раз это так угодно моей жене, мы расскажем вам о прошлом Лены.

Только не позволим, чтобы вы стали копаться в грязном белье.

На это предупреждение я отвечал, что подобное мне самому будет неприятно, с чем, однако, мысленно был не согласен, ведь в том самом копании и заключалась моя работа.

Глава 2

БЛИЖНИЙ КРУГ

Университет был закончен девять лет назад. Как сложилась судьба выпускников этого курса, Тамара Ивановна не знает, но о тех, кто был близок Лене, слышала много. Было в девушке что-то, что притягивало людей: чистая светлая красота, открытость, искренность, доброжелательность, честность, какие-то неземные качества, чуждые для этого мира. Ее парень, Александр Солонков, грубовато-простодушный, как студент весьма посредственный, держал себя с Леной скорее как старший брат и опекун, нежели любовник (и немудрено, сказывалась десятилетняя разница в возрасте); она же ластилась к нему точно кошка и отдавалась вся, без остатка. И не подумайте, что у нее не было девичьей гордости, просто она так любила и любить по-другому не могла. И Александр ценил ее чувства и отвечал тем же, только более сдержанно. А еще любил он лес, дальние походы, сопряженные с ними трудности, наваристую, приготовленную на костре похлебку, песни под гитару до утра и гру-

бую физическую работу.

Когда они окончили университет и дело полным ходом шло к законному супружеству, словно кошка между ними пробежала, случился разрыв. Даже поверить в это было трудно, настолько представлялись они неделимой парой, а все разговоры на тему их расставания – злыми шутками, но лишь одна Лена знала, как все серьезно. Произнесла могильным шепотом: «Все, конец», ничего более не объяснив; и в истериках не билась, и в петлю не лезла, и в воду не бросалась, и таблетками не травилась, понимала, что не только себя убьет, но и того, кого в себе носит. Александр исчез, однако никогда она его не попрекала и вспоминала с благодарностью.

Вздохнув, Тамара Ивановна обращается ко мне:

– Вы слышали о Светлане и Олеге Пастушковых?

– Лишь то, что отражается в светской хронике, – отвечаю я.

– Они тоже учились вместе с Леной и были достаточно дружны, – говорит она.

Светлана Пастушкова – красавица, в свои девятнадцать – двадцать выглядевшая настоящей женщиной, сводившей с ума и сопляков, и солидных мужчин. Учеба на истфаке ей была почти ни к чему. Ей уже тогда светила карьера манекенщицы, но при всем при этом она не была безмозглой размалеванной куклой, как, что греха таить, подавляющая часть особой вышеупомянутого женского племени. В жизни раз-

биралась лучше, чем большинство дам и мужей, умудренных опытом, да и учеба ей давалась легко, шутя. По характеру – взбалмошна, вспыльчива, но отходчива, беззлобна и добра. Окончила университет, как пощелкала семечки, не прибегая к блату, заполучила красный диплом, но не пошла работать по специальности. Зато вышла замуж за кузена.

Об Олеге Пастушкове теперь слышат даже глухие. Наряду с мэром – один из влиятельнейших людей города, прикупивший его со всеми потрохами: магазинами, кинотеатрами, ресторанами и службой этих мест. А было время – он помимо основных занятий упорно изучал компьютер, посещал курсы английского языка, засиживался в библиотеке, зарываясь в пухлые справочники по экономике и бизнесу, и даже, во что сейчас поверить совсем невозможно, являлся капитаном университетского клуба веселых и находчивых.

Будущее Олега было безоблачным. Багаж несомненно полезных знаний и предусмотрительно распахнутые отцом ворота в мир большого бизнеса.

Но кто же остался за бортом в этой жизни, так и не ощутив ее маленьких радостей?

– Маша Заступина, – печально отвечала Тамара Ивановна. – Скромная, старательная, аккуратная... Но... Может, она выбрала просто не то, к чему лежало ее сердце. Учеба у нас не дала ей возможности как-то раскрыться, самовыразиться... И потом ее жизнь складывалась не гладко. Это нам рассказывала Лена. Маша сразу после университета вышла

замуж, родила сына, вскоре развелась, вышла замуж повторно, родила дочку, и вновь брак оказался неудачным. Нам искренне жаль ее. У этой девочки была чистая душа, но, наверное, к ней надо что-то еще...

Однако муж Тамары Ивановны даже не пытался выказать какого-либо сочувствия к судьбе Маши Заступиной. Его рука, напоминаящая клешню краба, жестко стиснула мне локоть. Я не успел опомниться, как оказался на лестничной клетке, с ботинками под мышкой, ведомый по-молодецки сноровистым и сильным стариком Кешей. Скрип вставной челюсти сопровождал мое бесцеремонное выдворение.

– Вам больше нечего делать здесь, молодой человек. А моей жене необходим отдых, покой... С нее хватит ваших сказок...

Чуть ли не кубарем я скатился по крутой темной лестнице на пролет вниз.

– Подождите! – донесся до меня короткий, как удар хлыста, окрик хозяина.

– Это вы мне, Иннокентий Георгиевич? – Я уже догадался, с кем имею дело, хотя представиться мне не посчитали нужным.

– Да, вам, – отрезал старик и продолжал мстительным шепотом: – Раз Лена для вас так много значила... знали ли вы, что у нее был ребенок?

– Знал, – ответил я сухо.

– А то, что его отец недавно появился в городе и искал их?

– А вот этого...

– Кажется, он сидел, – мрачно произнес Белецкий, – и совсем опустил. Он не хотел заходить к нам домой и поджидал меня у подъезда. Это было незадолго до смерти Лены.

– Что его интересовало?! – выкрикнул я.

– Ее нынешний адрес.

– А вы?

– Дал, – очень тихо проговорил Иннокентий Георгиевич. – Какой-никакой, но он был отец, и Лена его до сих пор любила. Томе, разумеется, я ничего не сказал.

– Почему же сказали мне?

Он сделал шаг в квартиру:

– Предупредить. Хорошо, что ваши дорожки не пересеклись.

– Ленин сын... – заторопился я. – Вам известно, что он сбежал из детдома?

Лязгнула металлическая дверь, щелкнули собачки замков. Но мне и так стало ясно: престарелый муж Тамары Ивановны знал об этом деле гораздо больше, чем сказал мне.

Глава 3

ВИЗИТ ЧЕЛОВЕКА

Я зашел в свой офис и теперь, сидя за столом, листал пухлый телефонный справочник. Вдруг я почувствовал слабый ветерок, повеявший в отворенную дверь, а в следующее

мгновение мне на плечо легла чья-то тяжелая рука.

– Отвлекись, братан, – обратились ко мне.

Я отложил книгу и поднял взгляд.

Меня навестил рослый мужчина лет сорока, одетый в черные широкие джинсы и грубую кожаную куртку, до белизны вытертую на локтях. Ворот его водолазки, скрывающий шею и доходящий до щетинистого подбородка, был замусолен, лицо обветренное, с белесым налетом, мощный нос скошен книзу, коротко стриженные волосы седые на висках. Жизнь потрепала его на славу, о чем догадываешься сразу же, стоит заглянуть в его выдавшие виды, потухшие глаза. Мешки под ними, несомненно, от частого употребления.

– Базар есть, братан, – сказал он мне.

– Присядь, – ответил я ему в тон, – и вываливай.

Он замолчал, видимо не ожидавший, что к его блатным агрессивным манерам я отнесусь со спокойствием удава.

– Евгений Галкин, частный детектив, – пробормотал он. – Любопытно.

– Что же здесь любопытного?

– Да так, ерунда.

– Зачем же зашел?

– Пустяки, проходил мимо.

– Как хоть тебя зовут?

– ЧЕЛОВЕК. Это звучит гордо, – наконец представился незнакомец и спросил внезапно: – Ты Вальку Гуляеву знаешь?

Я предпочел промолчать. Он нервно заерзал, зашарил мутными глазами по потолку и стенам.

– Я это вот к чему, братан, – сказал незванный гость. – Я тот самый парень, который стриг с нее бабки и делал крышу. И старика я тогда учил в подъезде – не хрена мусоров вызывать и клиентов отпугивать. Но вот гасить его я не подписывался, я не мокрушник какой-нибудь, а вор честный.

– Расскажи это следователю, мне-то какое дело? – пожал плечами я.

– Да плевал я на следователя! – взорвался незнакомец по имени Человек. – Валька – баба, ее промурыжат и отпустят. Ясное дело, убить ей не под силу. А меня как возьмут, так на совесть колоть будут. У меня уже три ходки было, отношение, сам понимаешь, какое. Что я им в камере докажу?!

– А что ты хочешь от меня? – спросил я с ленцой в голосе.

Человек окончательно выходил из себя.

– Будто не въезжаешь?! Я хочу найти того козла, который зарезал старика, расколоть его и сдать легавым. Тогда я и свою шкуру спасу, и Вальку из мусорни вытащу. Мне все-таки с ней работать, других шлюх у меня нет. Вот ты, сыщик, и помоги, а уж я приплачусь!

– Это лишнее, – ответил я. – Она мне сама заплатила за то же самое. Будь добр сказать, как ты на меня вышел?

Мое естественное любопытство неожиданно приперло его к стене. Незнакомец ошарашенно вылупился на меня, скрипнул щербатыми, почерневшими от чифира зубами.

– Будешь много знать, будешь плохо спать. Или вообще ласты завернешь, – мрачно поведал он.

Сказать, что я совсем не испугался, было бы неправдой, но удирать от каждой гавкающей шавки – увольте. Хотел встать, приблизиться вплотную к незваному гостю, широко улыбнуться, а потом – ногой по голени, коленом в пах и вышвырнуть обмякшее тело головой вперед из кабинета... Поленился двигаться. Наверное, переработал. Или недостаточно похмелился. Или мне нестерпимо захотелось, чтобы этот воняющий гуталином и дешевым табаком малый как можно скорее убрался восвояси. Причем без физического воздействия с моей стороны.

– Ищи, – устало сказал я. – А найдешь, раскалывай. Я думаю, это сделал некто Александр Солонков, бывший уголовник.

– Чем ему не угодил старик?

– Просто помешал. У Солонкова в детдоме находился сын, вот и разыграли отцовские чувства. Решил самостоятельно заняться воспитанием.

Сутенер хмуро взглянул на меня, как-то весь подобрался и вдруг захохотал.

– Ну ты даешь, братан! Корчишь из себя валенка, а дела щелкаешь как орешки. Раз он сидел, я его точно достану. Вперед ментов. Те еще не в курсе, да?! Ладно, бывай, за мной не заржавеет, сочтемся!

В порыве благодарственных чувств он встряхнул меня за

плечи. Несмотря на три судимости, у него были чистые руки. Только одна-единственная татуировка между большим и указательным пальцами: МИЛА.

Глава 4

НАСЛЕДНИЦА

В справочнике телефонных абонентов значились три человека с фамилией Заступины. Правда, никто из них не обладал инициалом М. Удачи я добился с третьего раза.

– Алло, это Мария?

– Нет, это Наталья, ее сестра.

– Мне бы Марию.

– А разве вы не знаете, что она здесь больше не живет?

– Откуда? Мы виделись слишком давно, когда вместе учились.

– Правда? Уверена, Маше будет приятно. Записывайте адрес, телефон у вахтера, да, это семейное общежитие, спросите Марию Семину из четырнадцатой комнаты.

– Премного благодарен.

– Не за что. До свидания.

Я решил не оповещать Марию о своем визите и тут же выехал к ней.

Семейное общежитие оказалось некогда желтым, а теперь бурым зданием, давно утратившим надежды на реставрацию. Там, где побелка вовсе отслоилась от стен, выступала

на всеобщее обозрение добротная кладка из серого кирпича. Тамбур был забит велосипедами, детскими колясками, санками, клюшками, лыжами, а также рухлядью, для которой не нашлось бы никакого применения. Вахтерша с бульдожьим лицом пила чай из алюминиевой кружки, расплескивая его и дуя на обожженные пальцы. Я прошел в паре шагов от нее, и она не заметила этого. Затем минут десять я бродил по первому этажу, прежде чем понял, что все комнаты здесь имели уже трехзначные номера. Комната номер четырнадцать (скромная обитель Марии), впрочем, как и комната номер один, занимала последний четвертый этаж. Объяснить подобное оказалось выше моих сил.

На мой стук открыл пухлый мальчик лет восьми. Стрижка под горшок, перемазанный шоколадом рот капризного ребенка.

– Тебе кого? – недовольно спросил парнишка.

– Может, все-таки вам?..

– Ее нету, – категорично заявил малец.

– Кого?

– Мамки.

– А скоро придет?

Молчание, пожатие плеч.

В полурастворенную дверь я обозревал часть комнаты, оклеенную безвкусными розовыми обоями. В углах, под потолком, серела паутина. Вдоль стены, впритык друг к другу, жались пошарканный шкаф, смятый диван и высокое ста-

рое зеркало. В его выщербленной пыльной поверхности отражалась другая часть комнаты, издевательски взирающая на свою ближнюю половину. Мне удалось увидеть огромный новый телевизор «грюндиг» и яркий ковер во всю стену. Уже первого взгляда было достаточно, чтобы судить о ручной работе этого мягкого пестрого изделия и о его щекочущей цене. Заподозрив что-то неладное, мальчик захлопнул дверь.

Я прошел по забитому всевозможным хламом коридору до лестничной площадки, но тут же на цыпочках возвратился обратно. В моей голове забрезжила одна идея, которую я пожелал немедленно воплотить в жизнь. Я постучал в комнату, соседнюю с той, что занимала Мария Семина.

Женщина лет сорока, а может, и пятидесяти, не худая и не полная, приземистая и плотно сбитая, занималась уборкой, а посему никого видеть и слышать не хотела.

– Чего? – спросила она, отдуваясь.

– Я по объявлению в газете, – ответил я.

– Я не давала никаких объявлений.

– Я насчет ковра.

– У меня нету никакого ковра.

– Правильно, ковер у вашей соседки, – согласно кивнул я. – Она желала его продать.

– Пусть продает, – забулькала от возмущения женщина. –

Не вижу связи.

– Все очень просто, – расплылся в глупой улыбке я. – Ее сейчас нет дома. А я в городе только проездом. Если он дей-

ствительно так хорош, я сдам билет и дождусь ее возвращения.

– Хорош? – переспросила женщина, недобро сверкнув глазами. – Для нее он действительно слишком хорош! Я видала его как-то раз. Вот только ума не приложу, с чего она решила его продавать?

– Вы сказали, «хорош для нее»... – ухватился я.

– А разве нет? – Соседка повысила голос. – Мария раньше от получки до получки дожить не могла, деньги занимала. А тут тетка померла, как она сказала, наследство оставила. Мария и обставляться начала, даже работу бросила. А на меня теперь и вовсе не смотрит, а если и смотрит, то так... свысока.

– Портят человека не деньги.

– Бросьте, – отмахнулась раскрасневшаяся особа. – Вот не было у нее денег, куда человечней была. И добрей. А стоило так, задарма получить, и все. Теперь жирует за свои прошлые мытарства.

Милое откровение, которого я даже не ожидал.

– И давно у Марии появились деньги?

Женщина насторожилась.

– А вам, собственно говоря, какое дело?

– Никакого. Мимо проходил.

– Вот и скатертью дорожка. Поводилось жулье...

Вахтерша все же управилась со своим чаем.

Трудно сказать, сколько выпила она, но пролила не мень-

ше и теперь промокала замызганным вафельным полотенцем письменный стол.

– А вы там как оказались? – заверещала она, стоило мне приблизиться к ней со спины.

– Прилетел на воздушном шаре.

– Вот что, не умничайте. – Она понизила голос. – Почему не записались в журнале?

– Не знал.

– К кому ходили?

– К Марии Семиной, – без задней мысли ответил я.

– Господи, и вы?! – вскричала вахтерша и затрясла своими бульдожьими брылями. – Когда все это кончится?!

– А в чем дело? – недоумевал я.

– Общежитие-то семейное, – задыхаясь, рассказывала старуха. – Как вселилась, была добропорядочной матерью, тихая, даже замкнутая. Да в тихом омуте...

– Черти...

– Если бы черти! Теперь завелись дружки разные да попойки по ночам. Ведь не шутим, выселим!

– И что, такое недавно? – спросил я.

– Как деньги на нее с неба упали. С месяца полтора, наверное.

Мне не нравятся совпадения. Особенно такие. Переродилась скромная Маша Заступина, а во втором своем неудачном замужестве Семина почти сразу после смерти своей подруги Лены Стрелковой.

Глава 5

ГОСПОДА

Может быть, когда-нибудь старожилы нашего провинциального города нарекут это строение памятником смутному постсоветскому безвременью. Пока же это не что иное, как двухэтажный особнячок с подземным гаражом, террасой и вечнозеленым ухоженным газоном. Здесь не стыдно жить самому, устраивать безбедные банкеты для деловых партнеров и дорогих гостей и демонстрировать всей округе успешное воплощение в жизнь американской мечты. Тут живет Олег Викторович Пастушков, удачливый молодой бизнесмен, новый предприимчивый хозяин, спонсор раздачи бесплатных сосисок и праздников пива, свершающихся регулярно раз в год.

В этом месте не воняет помоями и древесной трухой, а белые матовые стены отделаны под мрамор или же являются таковыми (декларация о доходах – тайна за семью печатями), здесь явно не дышат испарениями мочи.

Звонок выдал ласкающую слух мелодию. Я ожидал увидеть громилу с кирпичным лицом, камуфлированного и косноязычного, но на пороге возникла милая ясноглазая особа в белом прозрачном халатике. Судя по фигурке, что угадывалась под ним, девушка могла рассчитывать на постоянную прописку в «Плейбое». Очки в легкой золотой оправе ей бы-

ли вовсе ни к чему и в заблуждение относительно высокого интеллекта красотки меня не ввели.

– Ну и ну! – воскликнула она театрально. – Вот так люди! Восхищение было фальшиво насквозь.

– Господин в отлучке, госпожа в отключке, – проговорила девушка скороговоркой. – Но можно побеспокоить.

– Даже не спросив, кто я такой?

– Для нее это не имеет значения. Завтра все равно ничего не вспомнит.

– Неужели?

Красотка легкомысленно отмахнулась:

– Прикладывается с утра до вечера. Что ей еще делать?

– Хлопотать по хозяйству, – предположил я.

– Смеетесь?! У нее не так мало денег, чтобы размениваться на подобные пустяки.

Что-то скрывалось за напускной веселостью и беззаботностью ясноокой девицы. А выдала ее короткая усмешка. Мелькнули в ней хорошо заретушированные неприязнь и презрение.

– Спальня на втором этаже налево. Стучаться по желанию, – проинформировали меня.

Вдоль стен холла, в котором я оказался, были расставлены пальмы в кадках и кожаные пуфики. Не насилвала глаз цветовая гамма: мягкие, светлые тона. Наверх вела устланная ковровой дорожкой лестница с перилами цвета слоновой кости.

Стучаться в спальню к женщине принято, хочет она того или нет. Посчитав себя джентльменом, я не стал отступать от этого правила.

– Войдите, – отозвался томный голос.

Я и вошел.

По внешности зачастую можно определить имя человека и наоборот. Светлана. Светлая...

Передо мной была жгучая брюнетка со смуглой, как у мулатки, кожей. Что тому причина: солнечные ванны на берегу Средиземного моря или не менее эффективная эксплуатация агрегата Luxiga – я пообещал себе выяснить в следующий раз. Лицо ее было типично славянским, но в этом и заключалась особая, волнующая прелесть Госпожи: высокие скулы, маленький вздернутый носик и полная нижняя губка, алая как кровь. Но особого внимания заслуживала влажная синева ее глаз под тонкими изящными дугами черных бровей; то были глаза прекрасной искусительницы, они и манили, и обжигали, стоило подобраться чуть ближе. Сейчас на ней был красный пеньюар, до того яркий, что привел бы в бешенство самого спокойного быка на корриде. Госпожа лежала на животе поперек огромной кровати, убранной розовым шелком, держа в руке высокий хрустальный фужер. Янтарная жидкость из него тонкой струйкой бежала на дорогой ворсистый ковер, достоинство которого я уже успел оскорбить, ступив на него своей нечищенной обувью.

Госпожа, меланхолически поведив пальцем по влажному

пятну, произнесла задумчиво:

– Да, это не серная кислота. А жаль...

На меня внимания она по-прежнему не обращала. Я зашелся чахоточным кашлем.

– Неужели я тебя затопила? – спросила она так же томно и устало.

И мне наконец удалось открыть еще одну особенность ее удивительных глаз. Госпожа не могла сосредоточить взгляд свой на чем-то одном: темные зрачки, как поплавки, купались в бескрайнем синем море, то выныривали, то вновь погружались в таинственные глубины.

– Я терпеть не могу алкоголь, но ничего другого не остается, – сладко зевнула она, прикрыв хорошенький ротик не менее хорошей ладошкой. – А чем предпочитаешь заниматься ты? Случаем, не починкой примусов?

– Нет. Частным сыском. Тебя не коробит? – обратился я к ней так же фамильярно.

– Да ты что?! – воскликнула она. – Передо мной новый Шерлок Холмс!

– Ни в коем случае, – открестился я. – Я не постиг дедуктивного метода. Я также не могу работать серыми клеточками, как Эркюль Пуаро. И сокрушать черепа при помощи кулака и сорок пятого калибра, как это делал Майк Хаммер. У меня свой оригинальный метод.

– И в чем же он заключается?

– Я придумываю версию, а потом подгоняю под нее фак-

ты.

– А если факты не подгоняются?

– Приходится придумывать другую версию.

– Замечательно! – Госпожа разом опрокинула в глотку содержимое своего фужера. Точнее, то, что в нем осталось. – И значит, по одной из твоих версий, я в чем-то замешана?

– Кто тебя знает? Но для начала я бы потолковал с твоим мужем, – сказал я.

Темные поплавки вынырнули из бездонных глубин.

– Вот как?!

– Тебя это шокирует?

– Забор-р-раживает!

– Но ты мне тоже можешь помочь, – отбросил шутливый тон я. – Вспомни Лену Стрелкову, в прошлом твою подругу.

Госпожа откинулась на атласные подушки. Под тонким шелком пеньюара соблазнительно запрыгали упругие мячики груди.

– Да, я знаю. Такая милая девочка и умерла такой молодой. – В тоне Светланы я не слышал высокомерия и покровительства, хотя участие тоже казалось наигранным. – Я иногда сама завидую ей.

– ?!

Мой немой вопрос остается без ответа.

– А что касается мужа, я поняла, – продолжала Госпожа как ни в чем не бывало. Даже, поманив меня многообещающим жестом, заставила сесть рядом с собой. – Он оказы-

вал этой девочке посильную помощь. Благо на его кошельке это не отразится. Пожалуй, Олежек больше всего любит созерцать, когда кто-то ощущает себя ему обязанным. Таким приложением «благородства» и «милосердия» для него была Одуванчик. Так я звала Лену Стрелкову.

– Не она первая стала таким приложением...

– Ты смелый и наглый! – звонко рассмеялась Светлана. – Мне нравятся такие мужики. Но если ты насчет моих отношений с Олежкой, то прав лишь отчасти. Наши отцы – братья и были привязаны друг к другу, как сиамские близнецы. Кроме того, у них был совместный бизнес. Понятно, что они хотели оставить все доходы в семье и не дробить свою империю. Конечно, я могла отказаться, выйти за кого-то другого рангом ниже, но тогда бы лишилась и доли в деле, и наследства в будущем, и поддержки в настоящем. Мне даже не пришлось менять фамилию, всего-навсего пустить в постель двоюродного братца. Да, я поступила как проститутка, как дорогая проститутка, и все-таки как проститутка...

Произношение ее страдало: торопясь, Госпожа проглатывала окончания и спотыкалась на новых словах.

Внезапный хлопок двери, порывистая волна свежего воздуха отвлекли меня от ее занимательной исповеди и безупречных полуоголенных форм. В спальню стремительно вошел невзрачный низкорослый мужчина и застыл истуканом посреди комнаты.

Он тоже был смуглый, правда, не до шоколадного тона.

Круглый подбородок, плавно переросший в шею, и нежная кожица над его верхней губой отливали ядовитой синью, на щеках щетина даже не проклевывалась. Нос имел легкую горбинку, видимо, был сломан уже давно, когда его обладателя не сопровождали денно и ночно дюжие охранники и приходилось в одиночку собирать шишки от оборзевших уличных хулиганов. Глаза вошедшего – серые в зеленую крапинку – тоже не имели привычки смотреть на собеседника.

Вот с фигурой ему не подфартило. Плечи – узкие и обвислые, зад – худосочный и костистый. Однако мужчина из всех сил пытался компенсировать несовершенства своей фигуры. Он был облачен в светлый элегантный пиджак и черную шелковую рубашку с алмазной заколкой на вороте. На руке – перстень, всего один, разумеется, золотой, с аккуратным бриллиантом, который хотя и не сразу бросался в глаза, но и не обратить на себя внимания не позволял. На запястье – золотые часы «Ролекс». Пусть его щеки еще не налились здоровьем, как спелое яблоко, а худые ягодицы вовсе затерялись в штанах свободного покроя, была вещь, роднящая его с кругом новых хозяев, – аккуратное умиляющее брюшко. И деньги. И пренебрежение к тем, кто стоит на ступеньку ниже.

– А это мой муж, – без тени смущения объявила Светлана, коротко взглянув на вошедшего человечка. – Он слишком поглощен своими делами, чтобы замечать, что происходит вокруг. Он даже производит впечатление, будто он не от мира сего. Но ему это можно простить...

Смуглый чернявый человечек молчал, внутренне кипит от злости.

– ...ведь у Олежки, кроме нескольких СП, respectable-ный клуб для состоятельных людей и ряд ночлежек и столовых для нищих.

– Заткнись! – тонко, по-щенячьи рявкнул г-н Пастушков. – Лучше ответь, что этот человек делает в твоей постели!

Госпожа, засмеявшись непристойно громко, поползла по своему ложу в направлении бара. При этом она отнюдь не пыталась скрывать от посторонних глаз свои прелести.

– Моя жена пьяна как сапожник! – с маниакальным возбуждением продекламировал г-н Пастушков, едва не встав в позу. – Пойдемте-ка, господин хороший, думаю, мы уладим интересующий вас вопрос. Кстати, как вам такое обращение? – добавил он с сарказмом.

– Без разницы.

– Все быдло вздумало называть друг друга так. Почуяли себя цивилизацией, – ядовито заметил он напоследок и стремглав покинул спальню своей жены, выворачивая ступни чуть ли не на девяносто градусов.

Но прежде чем последовать за ним, я сунул Светлане свою визитку. Она пьяно хихикнула и поцеловала ее.

Я оказался в просторном зале с такими же холодными стенами под мрамор. Несмотря на то что стемнеть еще не успело, здесь мерцали электрические свечи в канделябрах при-

чудливых форм. В дальнем конце зала, выложенный настоящим черным мрамором, брызгал огненными искрами камин. Напротив него находились два массивных кожаных кресла.

– Присаживайтесь-ка, господин хороший, – небрежно пригласил г-н Пастушков и стремительной походкой оловянного солдатика проследовал к бару, расположенному в мраморной нише. В то время как ноги его взмывали чуть ли не на уровень пояса, руки оставались плотно прижаты к бокам. – Что предпочитаете в это время суток – джин, виски, чинзано?

Но воспользоваться его гостеприимством я не успел. Не успел я также расслышать за спиной мягкую кошачью поступь моих недоброжелателей. Две пары проворных мускулистых ручонок выдернули меня из кресла, подняли в воздух, перевернули головой вниз и стали трясти, как несчастного Буратино. Опять на уме этот дурацкий деревянный мальчишка!

– Он пуст, шеф. Только ключи и какие-то документы.

– Читать не разучились?

– Вроде бы лицензия частного сыщика. Мы проверим, тот ли он, за кого себя выдает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.